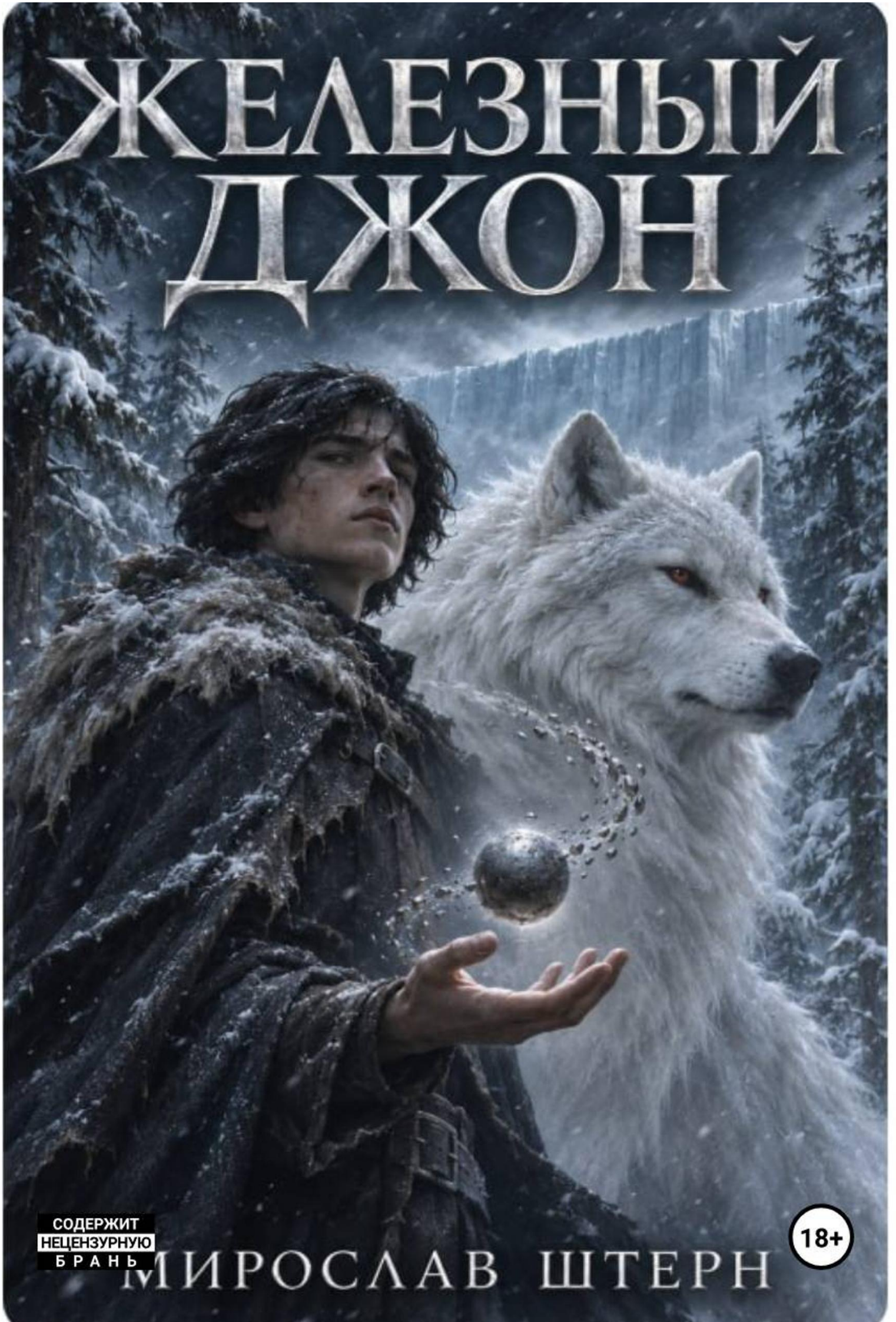
ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЖОН



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

МИРОСЛАВ ШТЕРН

Мирослав Штерн

Железный Джон

«Автор»
2026

Штерн М.

Железный Джон / М. Штерн — «Автор», 2026

Попаданец в Джона Сноу: знает сюжет, умеет двигать железо силой мысли и страшно устал от того, что в Вестеросе до сих пор нет нормальных дорог, труб и принтера. Пока лорды делят трон, он строит пароходы, школы и типографии. Заодно выясняется, что он вообще-то Таргариен, а значит, спорить придётся и с собственной роднёй.Мертвецы идут на Стену, Тирион пьёт меньше обычного, а Джон всё ещё надеется, что корона не обязательно должна быть такой колючей.

© Штерн М., 2026
© Автор, 2026

Мирослав Штерн
Железный Джон

Глава 1.

Умирать оказалось быстро. Даже обидно быстро: я успел заметить только слишком белые фары, потом меня подбросило, мир перевернулся вверх асфальтом и серым небом, а вторым номером программы была бетонная стена. Воздух вылетел из лёгких вместе с болью, одним комплектом, видимо по акции.

Дальше кто-то выключил звук. Не свет, как пишут в книжках, а именно звук. А потом пропало и тело.

Я завис в чёрной пустоте, густо усыпанной звёздами. Ни веса, ни холода, ни боли. Правда, я не понимал, чем вообще на всё это смотрю: глаз, кажется, больше не было. Спокойно так… подозрительно спокойно. Паники ноль. Видимо, организм (или что там от него осталось) решил, что кричать уже поздно.

Итак, что имеем: тела нет, боли нет, вокруг космос. Прекрасное резюме для двадцати семи лет жизни.

Царапало только одно. Мама. Единственный сын, ни жены, ни детей, даже внуков не оставил. Нашёл о чём думать, конечно, но мысль упорно возвращалась именно туда. Ей теперь придётся тяжело. Очень.

Опускаю взгляд — хотя какой там взгляд — и вижу тонкую серебристую нить. Она тянулась от груди (ну, от места, где грудь раньше была) куда-то в бесконечность и терялась в самой яркой звезде.

Это что, и есть тот самый свет в конце тоннеля?! Выглядит скромнее, чем в рассказах. Зато хоть какая-то навигация.

Сколько я так плыл, сказать не берусь: время тут либо не шло вовсе, либо шло как-то по-своему. А потом нить дрогнула, натянулась до предела (будь у меня зубы, я бы их стиснул) и лопнула. Без боли, вообще без ничего.

Вот тут мне впервые стало по-настоящему не по себе. Пока нить была, у меня имелось направление. Пусть к чему-то неизвестному, но хоть куда-то. Теперь же пустота будто подступила ближе, а в голове сам собой оформился вывод, причём я не помнил, чтобы его делал: если сейчас замереть и поддаться этому приятному покою, я просто растворюсь. Без памяти. Без самого понятия «я». Интуиция? Остаток души? Или кто-то нашептал из темноты? Хотелось бы разобраться, но позже. Сейчас нужно двигаться.

Пробую двинуться. Вернее, захотеть двинуться, потому что двигаться мне, по большому счёту, нечем. Это было похоже на попытку пошевелить ухом, которое никогда не шевелилось, но стоило как следует захотеть, и пространство послушалось. Уже что-то.

Вокруг мерцали звёздные скопления, сотни, тысячи. Часть холодные и чужие, часть такие яркие, что хотелось отвернуться, хотя я не был уверен, что у меня есть чем. И только одна звезда ничем не выделялась. Не самая большая, не самая красивая. Просто ощущалась так, будто мне нужно именно туда. Логике это не поддавалось, но других аргументов у меня всё равно не было.

— Ну, веди, — сказал я то ли звёздам, то ли самому себе.

Едва я сосредоточился на этом ощущении, как нить появилась снова, метнулась к выбранной звезде и натянулась, словно канат. Рывок, и звёзды вытянулись в светящиеся полосы. Ещё рывок, и мир схлопнулся в одну сплошную вспышку.

Ладно. Была не была.

А потом я вдохнул.

Глава 2

Воздух ударил в лицо такой ледяной свежестью, что я вдохнул слишком резко и чуть не закашлялся. Подо мной что-то мерно покачивалось, тёплое и явно живое. Секунд пять ушло на то, чтобы мозг выдал результат: лошадь. Лошадь?! Я на всякий случай вцепился в поводья. Пальцы слушались, но ощущались чужими, тонкими и лёгкими, будто мне поставили модель попроще.

Впереди неспешно ехали четыре всадника в тёмных шерстяных плащах, из-под которых торчали рукояти длинных мечей. Снег под копытами похрустывал так уютно, что на секунду я даже забыл удивляться.

Поднимаю голову. Зима. Причём не городская, с грязной кашей под ногами, а настоящая. Высокие ели подпирали серое небо, ветки гнулись под снегом, между стволами стелился морозный туман. Лес выглядел древним, и людей он, судя по всему, терпел здесь исключительно как гостей.

Ладно, без паники. Итак, по пунктам. Версия первая: историческая реконструкция. Продержалась она секунды три. Для актёров тут слишком холодно, запахи слишком настоящие (лошадь, дым, мокрая шерсть), а сидеть в седле мне, что характерно, непривычно. Осматриваю себя: кожаные сапоги, шерстяной плащ, меховые перчатки. Ни молний, ни синтетики, ни одной пластиковой пуговицы. Сердце забилось быстрее. Нет… только не это.

Тут сзади что-то беззвучно приблизилось. Оборачиваюсь. За лошадью абсолютно бесшумно шёл огромный белый волк. Шерсть почти сливалась со снегом, а красные глаза спокойно встретились с моими. Я судорожно втянул воздух. Призрак. Не «похожий на», а именно он. Ошибиться невозможно: этого зверя помнит каждый, кто хоть раз пересматривал «Игру престолов».

— Да ну… — прошептал я.

Мир качнулся, а в груди будто что-то лопнуло. Перед глазами вспыхнули чужие воспоминания: чёрный двор Винтерфелла, деревянные мечи, добрая улыбка старого мейстера, холодный взгляд Кейтилин Старк. Робб, Арья, Санса, Рикон, Бран, дядя Бенджен — всё обрушилось разом. И это были не картинки и не сон, а самая настоящая память.

Меня скрутило так, что я едва не вывалился из седла. Пришлось вцепиться обеими руками в гриву. Каждая вспышка тащила за собой чужие чувства, привычки, запахи, голоса, и с каждой секундой всё это становилось… моим. Я знал, как зовут кузнеца в Винтерфелле. Помнил, где Арья пряталась после очередной шалости, вкус хлеба, который пекла кухарка, голос отца. Хотя нет, не отца. Эддарда Старка.

Поднимаю голову. Впереди ехал высокий мужчина в чёрном меховом плаще — Бенджен Старк. А чуть левее, покачиваясь в седле и что-то рассказывая, ехал золотоволосый карлик с язвительной ухмылкой. Тирион Ланнистер. Эти лица я знал слишком хорошо, причём сразу с двух сторон: по сериалу и по памяти тела.

— Твою же мать… — выдохнул я.

Ответ пришёл сам, без озарений и громких фанфар, зато с предельной ясностью. Я — Джон Сноу. Мне четырнадцать. И мы едем к Стене.

Глава 3

Север оказался куда больше, чем рисуют на картах. Первые дни я по привычке считал пройденные мили, прикидывал, сколько осталось до Стены, вспоминал карту Вестероса… потом бросил. Здесь цифры ничего не значили, а дорога просто не кончалась.

На третий день мы свернули с Королевского тракта. Я вопросительно глянул на Бенджена, и тот коротко бросил:

— Волчий лес.

И всё. Исчерпывающее объяснение, ничего не скажешь.

Лес встретил нас тишиной. Ели поднимались так высоко, что вершины терялись в сером небе, снег лежал нетронутым, и лишь изредка его пересекали цепочки следов, оленьих или

волчьих. Временами казалось, что из-за стволов кто-то смотрит. Не человек, скорее сам лес. Ощущение так себе, но спорить с ним не хотелось.

Деревеньки попадались редко: пять-шесть домов за высоким частоколом, а почти при каждой ещё и башенка или деревянный форт. Южанин бы посмеялся над такой «обороной». Только вот местные, как я понимаю, боялись вовсе не соседей, а того, что может выйти из леса зимней ночью. А я-то знаю, что именно.

Дорогу то и дело пересекали быстрые речушки с горбатыми каменными мостиками, которые явно пережили не одно поколение Старков. Вечерами нас пускали в придорожные таверны, где без лишних вопросов ставили на стол похлёбку, хлеб, копчёное мясо и горячее вино со специями. Но чем дальше мы уходили на север, тем реже становились и таверны, и люди. Будто земля потихоньку забывала, что бывает человеческое жильё.

Через две недели пути мы встали на ночлег в маленьком лесном остроге: частокол, смотровая башня и десяток кое-как срубленных построек. После стольких ночей под открытым небом он казался почти крепостью. Здесь к нам и присоединился ещё один брат Ночного Дозора, Йорен.

Высокий, сутулый, с густой чёрной бородой и лицом человека, давно переставшего рассчитывать на спокойную жизнь. От него разило дымом, лошадью и грязной шерстью, а плащ утратил цвет настолько, что напоминал лоскутное одеяло из заплат. Следом за ним тянулись двое совсем молодых парней, настороженных и угрюмых.

— Насильники, — бросил Йорен, перехватив мой взгляд. — Крестьянские сынки. Лорд дал выбор: нож лекаря или чёрный плащ. Как видишь, выбрали плащ.

Парни промолчали. А что тут скажешь?

Ещё вчера они были обычными деревенскими пацанами, сегодня преступники на пути к краю мира, а завтра, если повезёт, станут братьями Дозора. По меркам этого мира, для них ещё неплохой исход. Я понимал их выбор, но так же чётко понимал и другое: на их месте я бы не оказался.

Отряд вышел занятный: двое дозорных, пара преступников, лютоволк, запасные лошади и клетка с воронами, которую Лювин вручил Бенджену. Для Королевского тракта, да и вообще для любой дороги, компания, прямо скажем, нетипичная.

Я забрался в самый дальний угол зала. Тирион уже взялся за кувшин с горячим вином, от которого тянуло корицей и гвоздикой, Йорен молча осушил кружку одним глотком и потребовал добавки. Шум таверны постепенно превратился в фон: скрип половиц, разговоры вполголоса, треск дров. А я снова думал о том, что случилось несколько дней назад. Нет, не со мной. Во мне.

На вторую ночь после «приземления» мне не спалось. Лежу у затухающего костра, изображаю глубокий сон. Остальные сопят, часовой лениво обходит лошадей. А внутри что-то меняется. Сначала лёгкий зуд под грудиной, потом всё сильнее, будто за рёбрами медленно растёт новый орган. Не сердце, не лёгкое, что-то третье. Пару раз я чуть не разодрал рубаху, так хотелось почесать это место, хотя понимал: зудит не кожа. К утру зуд превратился в тупую тяжесть, а затем… раз! И пропал.

Открываю глаза и сразу понимаю: что-то изменилось. Не вокруг, а во мне.

Точнее всего это можно сравнить с тем, как человек, всю жизнь проживший глухим на одно ухо, вдруг слышит мир целиком. Только слышал я не звуки. Под снегом, под мёрзлой землёй, в пряжках ремней, в подковах, в мечах на поясах у каждого что-то тихо звало. Металл. Я его не видел, но ощущал, причём у каждого предмета была своя «громкость»: ржавый гвоздь и закалённый меч различались, как свеча и костёр.

Тут любопытство, как водится, победило осторожность. Дождавшись, пока никто не смотрит, опускаю ладонь к земле. Под снегом нашлись крошечные крупинки болотного железа.

Совсем немного, но я чувствовал каждую так ясно, будто держал в пальцах. Стоило захотеть, и они откликнулись.

Песчинки поднялись над землёй и закружились металлической пылью, потом начали слипаться: без огня, без молота, без горна, как мягкая глина под невидимыми пальцами. Через несколько секунд на ладони лежал тусклый слиток размером с крупный грецкий орех. Тяжёлый, гладкий, настоящий.

Первым делом я стал ждать платы. Головокружение, слабость, кровь из носа, хоть что-нибудь! Но дыхание ровное, пульс спокойный, усталости ноль. И это, как ни странно, пугало больше обморока. Либо способность почти ничего не требует взамен, либо я просто пока не знаю, чем именно плачу. Выяснять это под боком у Бенджена, Тириона и остальных братьев Дозора я не собирался. Для испытаний время ещё будет.

Зато нашлось, чем заняться в седле. Со временем я заметил: стоит чуть сосредоточиться, и мир меняется. Нет, зрение не улучшается, оно становится глубже. Камень, дерево, снег блёкнут до бледных силуэтов, а вот всё живое начинает светиться мягким внутренним светом. Никаких радужных облаков над головами, как рисуют эзотерики. Скорее рентген, наложенный на живого человека, или тепловизор, который показывает не температуру, а саму жизненную силу: каналы, узлы, потоки, тёмные разрывы и яркие всполохи.

Ну что, пробуем на подопытных. Первым в очереди Бенджен: ровное холодное синее свечение с тонкими серебристыми нитями, которые расходятся от груди по всему телу. Ни разрывов, ни лишних вспышек. Спокойствие и дисциплина человека, прожившего на Севере всю жизнь и воспринимающего опасность как часть погоды.

Затем рекруты Йорена. Их ауры выглядели жалко: словно цельную ткань порвали в клочья, свет дрожит и местами пропадает совсем. Не злые и не проклятые, просто сломанные слишком рано.

Сам Йорен тоже оказался с повреждением, но причина ясна сразу: тёмный надлом у левого плеча и трещины, уходящие вниз по руке. Старая рана, давно заросла, но след остался. Всё остальное сияет на удивление ровно. Грубый, неопрятный, зато надёжный. Откуда я это знаю? Понятия не имею, но аура, похоже, показывает не только состояние тела.

Следом Тирион. Основной свет тёплый, почти золотой, а вокруг сердца вьются тонкие фиолетовые прожилки, то вспыхивают, то гаснут, будто спорят между собой. Боль? Обида? Одиночество? Не знаю. Но именно там, наверное, и живёт тот Тирион, которого я помню по книгам и сериалу. Жаль, что в грядущей войне мы почти наверняка окажемся по разные стороны. Его слуги самые обычные: ровный свет, ничего интересного.

А потом оборачиваюсь назад, и едва не вываливаюсь из седла второй раз. Призрак. Это уже не волк, а живой костёр в белой шкуре. Потоки силы так и переливаются под шерстью, складываясь в узор, которого я не понимаю. Рядом с ним люди выглядели свечками у кузнечного горна.

«Вот это мощь», — подумал я. И тут до меня дошло: я же варг. Вернее, Джон варг. Просто настоящий Джон так и не развил этот дар: боялся, знал слишком мало, а всё необъяснимое списывал на совпадения. Я же собираюсь использовать каждую способность, которую мне подарил этот мир. А как иначе?

Пробую посмотреть на себя. Оказалось неожиданно трудно, но после нескольких попыток мир вокруг потускнел, а вместо плоти проступила сеть светящихся нитей. В центре груди горело ослепительно-белое ядро. Не сердце: сердце лежит там же, но светится не оно, а что-то рядом, что повторяет каждое его сокращение. С каждым ударом от ядра расходятся десятки тонких потоков, пульсируют, переплетаются и возвращаются обратно. Что это такое, я понятия не имел, зато понял главное: именно оно откликается на металл.

Следующая неделя превратилась в один длинный эксперимент. Разговоры в дороге быстро заканчивались, а молча трястись в седле скучно, поэтому почти всё свободное внима-

ние уходило на тренировки. Находил под снегом крупицы железа, собирал их в воздухе, прессовал, сплавлял, снова разделял. Слиток парил за моей спиной, невидимый для остальных всадников, а я пытался придать ему форму: шар, куб, игла, нож. Каждая следующая фигура требовала чуть больше концентрации, и стоило отвлечься, как металл растекался бесформенной каплей. Складировать результаты было негде (да и незачем), так что после очередного опыта слиток просто падал обратно в снег.

Без курьёзов, разумеется, не обошлось. Сначала я плохо чувствовал границы и вместо железа под землёй иногда цеплял пряжку собственного ремня или стремя. Один раз накладка на седле дёрнулась вверх, и лошадь возмущённо вскинула голову, покосившись на меня так выразительно, что я чуть не расхохотался.

«Да понял я, понял. Не специально.»

Пришлось стать осторожнее. Зато с каждым днём получалось всё лучше.

Заодно я следил за тем, что творится внутри. Когда я тянулся к металлу, белое ядро вспыхивало чуть ярче, по каналам катилась волна, стекалась к плечу, потом к ладони и уже оттуда тонкими нитями уходила в землю. Металл отвечал всегда. Из любопытства я решил разорвать эту цепочку: вместо руки направил поток прямо из ядра.

Пару секунд ничего. А потом над ладонью, без единого движения с моей стороны, медленно поднялся идеально ровный металлический шар размером с крупный персик.

Присвистнуть я всё-таки удержался.

— Вот это уже интересно…

Выходит, все эти «магические пассы» нужны были только мне самому: привычка, подсознание пытается найти знакомый способ управлять силой. А на деле металл подчиняется мысли.

Вспомнились маги из старых фильмов, которые размахивают посохами, складывают пальцы в мудрёные печати и принимают героические стойки. Нет уж, спасибо. Пусть кто-нибудь другой машет руками и выкрикивает заклинания. Мне гораздо больше нравится вариант, где я спокойно разговариваю с человеком, а над его головой тем временем медленно формируется металлическое копьё. Или меч. Очень острый меч. Дамоклов, так сказать.

Усмехаюсь. Главное теперь — не начать улыбаться слишком подозрительно.

Глава 4

Дорога успокаивала. Стук копыт, скрип седла, редкие реплики спутников. Тело само качалось в такт шагам лошади, а голова тем временем работала на полную. Что делать дальше? Этот вопрос ходил по кругу уже не первый день.

Самый простой вариант: ничего не менять. Доехать до Стены, пройти путь Джона Сноу, жить по канону. Вот только канона больше нет. Настоящий Джон умер здесь же, в этом самом седле, а вместо него теперь я. Смотрю на спину Бенджена и ловлю себя на мысли, что Старков мне жалко. Причём по-настоящему. Воспоминания чужие, но чувства, которые к ним прилагаются, уже мои: Робб брат, Арья сестра, даже ледяной взгляд Кейтилин больше не бесит, а вызывает скорее грусть.

Но стоит додумать цепочку до конца… Без смерти Неда нет войны Пяти Королей. Без войны Север не поднимется. Без этого не появится и Король Севера. Выдыхаю. Звучит чудовищно, но история, как показывает практика, не спрашивает, кого тебе жалко.

Дальше по списку: до Королевской Гавани ещё не меньше двух месяцев пути, потом турнир, пиры, придворные интриги, а затем охота. И кабан. Одна тупая свинья перевернёт судьбу целого континента, и я знаю об этом заранее! Только что с этим знанием делать? Предупредить? Кого? Роберт заржёт. Нед выслушает, но не поверит. Да и кто я для них? Четырнадцатилетний бастард, которого скоро сошлют на край света.

Открыться Старкам? Мысль мелькнула на секунду. «Здравствуйте, я, вообще-то, сын Рейгара Таргариена». Фыркаю. Нет уж. На Железный трон после такого заявления меня не посадят. Тихо закопают где-нибудь в Волчьем лесу, чтобы не создавать лишних проблем.

А если найти Дейенерис? Пробую представить сцену: тринадцатилетняя девочка, брат-психопат под боком, и тут появляется неизвестный пацан, который утверждает, что тоже Таргариен. Убедительно, ничего не скажешь. Допустим, она каким-то чудом поверит. И что дальше? Стать вассалом? Советником? Полководцем? При всей симпатии к Дени прожить жизнь в чужой тени я не собираюсь: сила мне досталась явно не для этого. Машинально тру пальцами поводья.

Опаснее другое: любое решение меняет историю. Не поеду на Стену, и Джон не станет лордом-командующим, не спасёт Мормонта, не получит Длинный Коготь. Валирийская сталь… вот что реально не даёт покоя. Если моя магия связана с металлом, то вдруг именно она подскажет, как такую сталь делали? По спине пробежали мурашки. Вернуть миру утраченное искусство, да такой шанс выпадает раз в вечность! Но следом пришла другая мысль: изменю судьбу Джона слишком сильно, и одичалые не прорвутся через Стену. А значит, Тормунд никогда не встретит Бриенну.

— Это было бы преступлением против мировой литературы, — усмехаюсь я.

Лошадь недовольно дёрнула ухом, явно осуждая мои шутки. Похлопал её по шее.

— Ладно, ладно. Не самое главное.

Самое главное лежит далеко на севере, там, где вечная зима уже потихоньку начинает двигаться. Белые Ходоки. Все остальные войны на этом фоне просто возня людей, которые слишком заняты друг другом, чтобы заметить настоящего врага. Через несколько лет враг придёт, и тогда будет совершенно неважно, кто сидит на Железном троне. Смотрю на тёмную полосу леса на горизонте. Решено: на Стену я поеду. Хотя бы потому, что именно там начинается настоящая история. А значит, и моя.

Перевожу взгляд на чёрный плащ Бенджена. Вот кто мне нужен. Не Нед, не Роберт и даже не Тирион. Лордом-командующим он пока не стал, но из немногих, кто знает реальное положение дел на Стене, он самый вменяемый. Если кто-то способен оценить опасность раньше остальных, то именно он.

Мысли сами перепрыгнули к Дозору. Десять тысяч лет, если верить легендам. Когда-то это была сила, перед которой склонялись короли: девятнадцать замков, тысячи братьев, свои земли, уважение всего Севера. А что осталось? Три обитаемых замка, сотня-другая реально боеспособных людей, а остальные — старики, преступники и мальчишки, которым некуда больше идти. Криво усмехаюсь. Отличная армия для войны с существами, которым тысячи лет. А решение, между прочим, лежит буквально под носом.

За Стеной живут одичалые. Не дикари, а люди. По разным оценкам, сотни тысяч: тенны, рогоногие, ледоречцы, жители Ледовых рек, морской народ. Они воюют друг с другом, охотятся, растят детей, хоронят стариков. По сути, те же северяне, только по другую сторону льда. Первый удар Иных придётся именно на них, и они либо погибнут, либо пополнят армию мертвецов. Так почему никто не догадался переселить их заранее?!

Пустых замков вдоль Стены более чем хватает. Заселить хотя бы часть, восстановить укрепления, дать людям землю… Кто будет защищать Стену лучше: вор, которого отправили сюда вместо виселицы, или свободный человек, за спиной которого жена, дети и собственный дом? Ответ очевиден.

Но чем дольше думаю, тем лучше вижу обратную сторону. Двести тысяч вооружённых северян — это уже не поселенцы, а новое государство. Через поколение они забудут, кто дал им землю, а ещё через одно начнут диктовать условия Винтерфеллу. Нет, так нельзя. Нужна причина, по которой они будут оставаться союзниками. Страх не подходит: он заканчивается вместе с сильным правителем. Что тогда?

Задумчиво тру подбородок. Еда. Вот что на самом деле делает людей зависимыми. За Стеной земли бедные, лето короткое, зима бесконечная, и свободный народ вечно балансирует на грани голода. Если зерно, соль, железо и семена будут идти с юга через Винтерфелл… если Старки станут не завоевателями, а кормильцами… тогда верность превратится из обязанности в здравый расчёт. Вожди будут грызться между собой, но смотреть при этом станут в одну сторону, на юг.

План красивый. Даже слишком. А значит, где-то в нём наверняка сидит ошибка, которую я пока просто не вижу.

В таверне постепенно стихали голоса. Йорен ушёл спать вместе со своими рекрутами. Бенджен беседовал с хозяином о состоянии дорог и новостях с Севера, за соседним столом лениво кидали кости. Тирион Ланнистер остался в одиночестве: перед ним стоял почти пустой кувшин с подогретым вином, а сам он крутил в пальцах кубок и наблюдал, как по стенкам медленно ползут багровые капли.

Ладно, самое время. Пересаживаюсь к нему.

— Не возражаете?

Тирион поднял глаза и усмехнулся.

— Если бы возражал, сказал бы что-нибудь остроумное. Но сегодня мне лень.

Наливаю себе вина. Какое-то время мы молчим.

— Вы чем-то недовольны, — вдруг произнёс он. — Скорее даже разочарованы.

Поднимаю бровь.

— Это настолько заметно?

— Для человека, который полдороги смотрел на деревья, а последние дни куда-то сквозь них, — да.

Он сделал маленький глоток.

— Обычно юноши, едущие на Стену, либо трясутся от страха, либо мечтают о подвигах. А вы выглядите так, будто решаете задачу, в которой не хватает половины условий.

Невольно улыбаюсь. Вот за это его и любили. Ну, те, кто вообще его любил.

— А вы?

— Что я?

— Зачем едете на Стену?

Тирион тихо рассмеялся.

— Из любопытства. Мир слишком велик, чтобы всю жизнь торчать между Кастерли-Рок и Королевской Гаванью.

— Не верю.

— Смелое заявление, — удивлённо глянул он на меня.

— Любопытство — только повод.

Он слегка наклонил голову.

— Продолжайте.

— Вы собираете знания.

Он промолчал.

— Все считают, что вы любите вино и женщин.

— А разве нет?

— Любите, — делаю глоток. — Но книги любите больше.

На этот раз улыбка Тириона вышла искренней.

— Опасное наблюдение.

— Знание нельзя отнять. Его не проиграешь, не украдёшь и не пропьёшь. Оно остаётся с человеком до самой смерти.

— Не ожидал услышать такое от четырнадцатилетнего мальчика.

— Возраст иногда переоценивают.

Карлик пару секунд внимательно изучал моё лицо.

— А иногда недооценивают.

Он откинулся на спинку стула.

— Допустим, вы правы. И что дальше?

Смотрю на огонь в камине.

— Как думаете, почему Ночной Дозор приходит в упадок?

— Потому что мир изменился.

— Или потому что все решили, будто он изменился.

Тирион промолчал.

— Раньше Стена защищала семь королевств, а теперь её считают тюрьмой. Раньше в Дозор шли младшие сыновья благородных домов, а теперь насильники и конокрады. Если достаточно долго твердить людям, что опасности нет, рано или поздно они поверят.

— Вы про Белых Ходоков?

Пожимаю плечами.

— А вы верите, что все старые легенды лгут?

Тирион задумался.

— Нет.

— Тогда почему именно эта обязана быть выдумкой?

Он долго смотрел в огонь.

— Любопытно…

— Что именно?

— Вы задаёте вопросы, на которые людям обычно не хочется отвечать.

— Потому что ответы им не нравятся?

— Именно.

Ещё несколько минут сидим молча, потом Тирион спросил:

— И что же, по-вашему, следует делать?

— Пока ничего.

— Пока?

— Сначала надо понять, что творится на Стене. Увидеть всё своими глазами, а планы строить уже потом.

Он медленно кивнул.

— Очень взрослый ответ.

— Иногда лучший способ не ошибиться — признать, что пока не знаешь правильного решения.

Карлик поднял кубок.

— За сомнения?

Чокаюсь своим.

— За тех, кто сначала думает.

Тирион отпил и вдруг негромко сказал:

— Знаете, Джон…

— Да?

— Если когда-нибудь вам понадобится человек, умеющий задавать неудобные вопросы…

Он выразительно помолчал.

— …вы, наверное, уже знаете, где меня искать.

Улыбаюсь.

— Надеюсь, однажды вы сами захотите приехать на Север.

— Зачем?

Перевожу взгляд на тёмное окно. За стеклом кружит снег.

— Потому что очень скоро здесь начнётся история, рядом с которой все южные войны покажутся дракой за трактирный счёт.

Тирион проследил за моим взглядом.

— Надеюсь, вы ошибаетесь.

— Я тоже.

Глава 5.

До Стены оставалось ещё две недели пути, и все они, судя по всему, должны были выглядеть одинаково: снег, серое небо, тяжёлое дыхание лошадей. Дорога тянулась через перелески, замёрзшие ручьи и редкие деревеньки, где уже никто не удивлялся ни чёрным плащам, ни огромному белому волку, который шёл за отрядом, как тень.

Дни я считать перестал. Зато начал считать другое: что я вообще умею и насколько далеко это заходит.

Каждую ночь, когда костёр прогорал до углей, я отходил подальше от лагеря, садился в снег и закрывал глаза. Вокруг темнота, обычная и ничем не примечательная. Но стоило захотеть, и мир выворачивался наизнанку. «Аурное зрение», как я его для себя назвал. Звучит громко, а по факту просто второй вид зрения, которым я пока пользовался на ощупь.

Теперь я видел не просто людей. У Бенджена в груди ровно пульсировал холодный свет. Вокруг сердца Тириона по-прежнему кружились фиолетовые нити, у Йорена старый надлом в левом плече ныл так, что это было заметно даже издалека. Лошади тоже светились: ровным тёплым светом, который с каждым днём пути к Стене становился слабее. Устали. Мы все устали.

Хуже всего было смотреть на самого себя. Белая искра в центре груди перестала быть просто «ядром». Она росла. Каждую ночь пульсировала чуть сильнее и ярче, а от неё расходились десятки лучей и оплетали кости, мышцы, кожу. Что это значит, я не понимал. Страшно ли мне было? Нет. Скорее, я просто не знал, с какого конца за это браться.

Зато границы силы я измерял вполне по-научному. Сначала металл слушался только в ладони. Потом до локтя, потом по всему телу в радиусе пары шагов. А к концу первой недели я уже чувствовал железо на расстоянии нескольких десятков метров. Мог пройти мимо ржавого наконечника копья, заросшего мхом у корней дерева, и просто потянуть его к себе. Не рукой, а мыслью. Он вылетал из земли, бесшумно скользил по воздуху и замирал у плеча. Раздавить его в пыль? Пожалуйста. Вытянуть в тонкую нить? Да без проблем. А из десятка таких нитей сплести маленький шар, гладкий как вода и тяжёлый как камень? Тоже получается.

Однажды на привале, когда все уснули, я отошёл от лагеря метров на пятьдесят, сел в снег и потянулся к земле. Под слоем мха и корней лежала целая россыпь болотной руды. Вдох, и я поднял её. Сначала по крупинкам, потом целыми кусками. Металл выплывал из мёрзлой земли, как стая чёрных рыб, плывущих в ночное небо. Собираю в одну точку, сжимаю, сплавляю. Надо мной медленно вращался шар размером с человеческую голову. Тяжёлый, настоящий, идеально круглый.

Выдох. Шар мягко опустился в снег. Из него можно было бы сделать меч, или панцирь, или наконечники для стрел. Но кого мне пока вооружать? Так и оставил лежать, где упал.

Показывать свои «игрушки» было некому, разве что одному зрителю. Призрак смотрел на меня из темноты красными глазами, и я чувствовал его мысли так же ясно, как свои: голод, любопытство, привязанность и лёгкая обида, что я так долго с ним не играю. Усмехаюсь.

— Иду, иду.

Ночью я начал «ходить» вместе с ним. Не сразу: первые разы просто закрывал глаза и пытался почувствовать его там, где он лежит у костра, его запах шерсти, холод дыхания. А потом сделал шаг. И оказался внутри.

Ощущение странное. Будто стоишь в маленькой тёплой комнате с одним окном, за которым бесконечный снег. Каждая клетка его тела откликалась на мысль: я мог заставить его идти,

бежать, рычать. Но не хотел, мне было интересно просто смотреть. Он видел мир иначе, не цветами и формами, а запахами. Снег пахнет холодом и временем. Человек страхом или силой. Лошадь усталостью. Дорога железом. А лес по ночам пах чем-то живым, будто сам воздух дышал.

Теряться в этом я научился не сразу. Сначала хватало нескольких минут, потом получалось дольше, и через неделю я мог оставаться в его теле так долго, что начинал забывать, кто я на самом деле. Пришлось учиться возвращаться силой, как выныривать из ледяной воды.

— Ещё немного, — шептал я, растирая замёрзшие руки. — Ещё чуть-чуть.

Мы приближались к Стене. Узнал я это не по карте и не по словам Бенджена, а кожей: воздух стал колючим, словно его нарезали тонкими ледяными лезвиями, запах сменился с мокрой хвои на что-то сухое, вымороженное. Лошади начали нервничать. Даже Призрак всё чаще настораживал уши и поворачивал голову на север.

Но за неделю до того, как мы должны были её увидеть, я решил: пора.

Лагерь мы разбили у подножия холма. Позади темнел лес, впереди раскинулась долина под глубоким снегом, а в центре, немного в стороне от дороги, росло дерево. Одно-единственное. Чардрево.

Красные листья, белая кора, лицо на стволе. Я узнал его сразу. Такие деревья росли по всему Северу, но это было особенным: огромным, старым, будто стояло здесь задолго до людей, до Стены, до всего.

— Бенджен, — позвал я, когда дядя проходил мимо, проверяя упряжь.

— Что, Джон?

Показываю на дерево.

— Можно мне к нему подойти?

Он нахмурился.

— Зачем?

— Просто хочу посмотреть.

Бенджен перевёл взгляд на чардрево, потом обратно на меня. В его глазах что-то мелькнуло, не то удивление, не то понимание.

— Иди, — сказал он коротко. — Только недолго. Через час выступаем.

— Спасибо.

Идти пришлось через сугробы по колено. Подойдя достаточно близко, я переключился на второе зрение и чуть не споткнулся.

Тысячи нитей тянулись от корней вглубь земли, в самое сердце Севера, и пульсировали мерным древним ритмом, будто сквозь них тёк сам ход времени. Красные листья горели алым пламенем, а белый гладкий ствол оказался сплетением бесчисленных потоков силы, закрученных в тугую спираль.

В центре ствола бился узел. Огромный, сложный, сплетённый из сотен волокон. И, что удивительно, не хаотичный, а организованный, будто кто-то очень умный и очень терпеливый создал из чистой силы карту. Карту всего.

Подхожу ближе и фокусируюсь на узле.

Мир начал меняться.

Я не касался дерева, а только смотрел. Но смотрел так, как, кажется, не умел ни один человек в Вестеросе. И чардрево ответило. Каждая нить в узле вела к чему-то или к кому-то: к событиям, которые уже случились, и к тем, которым ещё предстояло. Я увидел Винтерфелл: его древние камни светились знакомым холодным светом. Увидел Робба. Его аура была яркой и чистой, но вокруг головы уже закручивалась тонкая алая нить. Предупреждение? Арья сверкала серебром и сталью, слишком острая для этого мира. Над Браном кружилось что-то огромное, крылатое, почти невидимое. Санса, Рикон, Кейтилин.

Нед.

На нём я задержался дольше всего. Структура лорда Винтерфелла была сложной, но упорядоченной: честь, долг, любовь к семье переплетались в жёсткий каркас, который не давал ему сломаться. Но в этом каркасе была трещина. Тонкая, едва заметная, она шла от самого сердца, оттуда, где хранилась тайна. Присматриваюсь к ней и вижу, что трещина тянется… ко мне. Нить света от Неда к моей собственной груди.

Она была спрятана под сотней слоёв энергии и почти не видна. Но я видел. Теперь я видел всё.

Тянусь к ней взглядом, не прикасаясь, и понимаю: она ведёт не к Джону Сноу. Она ведёт к тому, кто спрятан под слоями чужой судьбы. Кого Нед скрыл не только от мира, но и от самого времени.

К сыну Рейгара. К наследнику Таргариенов. К тому, кто не должен был выжить, но выжил.

Моргаю, возвращая зрение в обычный режим. Передо мной стояло обычное дерево: белая кора, красные листья, вырезанное на стволе лицо. Никаких узлов и нитей судьбы. Только холод и тишина.

Ну что же, теперь вопрос в другом. Я только что получил очень удобный повод, чтобы объяснить, откуда мне столько известно. Грех не воспользоваться.

Оглядываюсь на лагерь. Бенджен стоит у костра, Тирион что-то рассказывает и размахивает руками. В мою сторону никто не смотрит. Идеально.

Опускаю взгляд на корни. Под снегом и мхом лежит россыпь болотной руды, совсем мелкая, но для моих целей достаточно. Тяну к ней мысль, и крупицы послушно поднимаются над снегом и замирают у ладони. Сжимаю их в крошечный комочек, почти невидимый в сумерках.

Теперь самое сложное: убедительно упасть в обморок. Играть я никогда не умел, поэтому решил подстраховаться и сделать всё по-настоящему. Метод, мягко говоря, радикальный, но кровь получится настоящая.

Выдох. Резкий щелчок комочка по переносице, не сильно, но этого хватило, чтобы лопнул сосуд. Пошатываюсь и падаю на колени в снег. Кровь капает с подбородка и расцветает на белом алыми пятнами. Прикрываю глаза, расслабляю мышцы, дыхание делаю прерывистым и глубоким. Хоть какая-то польза от просмотренных в прошлой жизни сериалов.

— Джон!

Поднимаю голову. Передо мной стоял Бенджен. И Тирион. И Призрак чуть позади.

— Джон, ты… — начал дядя и запнулся. На его лице было написано неподдельное изумление.

— Ты пролежал минут десять, — сказал Тирион, подходя ближе. — Мы уже собирались тебя нести.

— Я… — облизываю пересохшие губы. — Я в порядке.

— В порядке? — Бенджен нахмурился. — Ты упал и не шевелился. Я думал, тебя ветка по голове ударила.

— Это дерево… — перевожу взгляд на чардрево и решаюсь. — Я вижу.

— Что видишь?

— Всё.

Бенджен присел передо мной на корточки.

— Объясни.

Смотрю ему прямо в глаза.

— Бенджен, я знаю, кто я на самом деле.

Он замер.

— Ты сын Неда Старка.

Качаю головой.

— Нет. Я сын Рейгара Таргариена и Лианны Старк.

Тишина. Тирион присвистнул и отошёл на пару шагов, будто давая нам пространство.

Бенджен смотрел на меня с выражением, которое я не мог прочитать. Шок? Гнев? Понимание?

— Это… — начал он. — Джон, это безумие.

— Это правда, — поднимаюсь на ноги и смотрю ему в лицо. Мне всего четырнадцать, но в тот момент я чувствовал себя гораздо старше. — Нед поклялся Лианне, что защитит меня и что никто не узнает. Даже Кейтилин. Даже ты.

— Если бы это было правдой, я бы знал, — глухо произнёс Бенджен.

— Ты знал. — Шагаю ближе. — Может, не всё, но то, что я не сын Неда, знал. Ты смотрел на меня и видел её. Поэтому и поехал на Стену, когда я подрос. Поэтому ни разу не называл меня племянником. Только Джоном.

Он побледнел.

— Откуда ты…

Сглатываю.

— Объяснить я не могу. Но когда коснулся дерева, я увидел всё. Её, Неда, Рейгара, Робба. И что будет дальше.

— Что будет дальше? — голос Бенджена дрогнул.

Через меня словно прокатилась ещё одна волна воспоминаний.

— Робб станет королём Севера и погибнет на Красной свадьбе. Арья будет бежать и мстить. Санса станет пешкой. Брана уже сбросили с башни, и это сделал Джейме. А когда всё закончится, почти никого из вас не останется в живых.

Бенджен отшатнулся. Тирион бесшумно подошёл ближе, и в его взгляде больше не было насмешки, только настороженность.

— Джон, — сказал он очень тихо, — если это правда… зачем ты говоришь об этом сейчас? Зачем нам знать?

Перевожу взгляд на него.

— Потому что я хочу это остановить.

Тирион молчал.

— Я не просто Джон Сноу, — продолжаю, глядя на обоих. — Я тот, кто помнит то, чего ещё не случилось. И могу изменить будущее. Но мне нужны вы.

Делаю паузу.

— Бенджен, я знаю, что мы едем на Стену и что меня готовят к клятве. Но если я приму её сейчас, то стану никем. Ни земли, ни имени, ни права голоса. Как я что-то изменю, если буду просто братом Ночного Дозора?

Бенджен смотрел на меня, и в его глазах боролись долг, страх и что-то похожее на любовь.

— Ты предлагаешь отложить присягу? — спросил он наконец.

— Хотя бы на год. Или на два. Пока я не научусь использовать то, что мне дано.

— А что тебе дано? — спросил Тирион.

Поднимаю руку. Металлическая пряжка на его плаще дёрнулась и зазвенела. Тирион отступил на шаг, потому что его собственный кинжал выскользнул из ножен на поясе и завис в воздухе у моей ладони.

Опускаю руку. Кинжал падает в снег.

В лагере повисла абсолютная тишина.

— Вот что, — говорю тихо. — И это только начало.

Смотрю прямо на Тириона. На человека, который мог стать другом, а мог врагом. На карлика, чей ум острее любого клинка.

— Вы говорили, что едете к Стене из любопытства. Теперь у вас есть причины остаться.

Тирион медленно перевёл взгляд с кинжала на меня.

— Предлагаешь мне стать пленником?

— Нет. Предлагаю стать человеком, который увидит новую эпоху. И выберет сторону, когда придёт время.

Он усмехнулся, но в этой усмешке уже не было прежней лёгкости.

— Я знаю, кого вы боитесь, — продолжаю я. — Серсею. Вашего отца. Если вернётесь сейчас в Королевскую Гавань, умрёте там. Не от руки врага, а от рук тех, кто считает вас обузой. А если останетесь, увидите то, что изменит мир.

Тирион долго молчал. Потом поднял кинжал, покрутил в пальцах, глядя на лезвие, и повернулся ко мне.

— Мне нужно подумать.

— Мы доберёмся до Стены через семь дней, — сказал Бенджен. — Решай до этого.

— Я подумаю.

Он ушёл к костру. Я смотрел ему вслед, потом почувствовал руку Бенджена на плече.

— Джон, — сказал он низко. — Если хоть половина из того, что ты сказал, правда, то нам всем придётся решить, как с этим жить. А пока иди. Поспи.

Киваю и иду к своему одеялу. Снег скрипит под ногами. Призрак подходит и ложится рядом, положив голову мне на колени. Глажу его по голове и смотрю в темноту, туда, где ждала Стена. Где начинался Север, который я собирался спасти. Или потерять, если где-то просчитался.

Ну, посмотрим, что решит Тирион.

Глава 6

Стена показалась на горизонте через пять дней после разговора у чардрева.

Сначала это была едва заметная полоска на стыке серого неба и белой земли. Потом она начала расти вверх и росла так долго, что к тому моменту, как до неё осталась миля, перестала выглядеть делом человеческих рук. Семьсот футов, если верить книгам. Больше двухсот метров льда. Знать цифру и видеть это своими глазами, как выяснилось, две большие разницы.

Тирион тихо выругался себе под нос. Я сделал вид, что не расслышал.

Бенджен придержал лошадь и несколько минут просто смотрел. Лицо у него оставалось каменным, но аура выдавала: холодный свет дрогнул, когда он повёл взгляд от вершины к подножию, будто пытался охватить Стену целиком.

— Каждый раз, когда её вижу, думаю, сколько людей это строило, — сказал он негромко. — И сколько умерло, так и не увидев, чем всё закончилось.

— Они знали, ради чего, — ответил я.

— Думаешь?

— Это граница между живыми и всем остальным. Через тысячу лет об этом забыли, но тогда помнили.

Бенджен промолчал, однако свет в его груди на секунду потускнел. Зацепило.

Ещё два дня мы ехали вдоль подножия. Воздух стал сухим и колючим, будто в нём висели тонкие ледяные иглы. Лошади шли медленнее и осторожнее, а Призрак то и дело замирал и задирал морду к ледяной стене, словно искал там что-то.

На шестой день, когда лагерь уже разбили и костёр потрескивал в тишине, Бенджен подошёл ко мне.

— Надо поговорить.

Киваю. Мы отошли подальше, чтобы нас не слышали остальные. Призрак бесшумно потянулся следом и лёг в снег, навострив уши.

Бенджен долго молчал, глядя то на огонь, то на Стену. Потом сказал:

— То, что ты рассказал у чардрева… Я не могу выбросить это из головы.

— Понимаю.

— Ты говорил, что начнётся война. И что можешь её остановить.

— Я знаю, с чего она начнётся и что нужно сделать, чтобы дальше всё пошло иначе.

— Говори.

Набираю в грудь воздуха. Холодный, обжигает лёгкие.

— Роберт погибнет на охоте, его убьёт кабан. После этого Нед окажется в столице, и его казнят. Робб поднимет знамёна. Остальное ты уже слышал.

— А Бран? Ты сказал, что его столкнули.

— Джейме Ланнистер. Все считают, что мальчик упал сам.

Бенджен побледнел.

— И это случится через несколько месяцев?

— Да.

— Ты уверен?

— Это не догадки. Я видел это так, будто сам прожил.

Он молчал. Аура дёргалась: неверие, страх и что-то вроде отчаянной надежды сталкивались друг с другом.

— Что мы можем сделать? — спросил он наконец.

— Для начала разобраться с настоящей угрозой. С одичалыми.

— Они наши враги.

— Они люди. Такие же, как мы, просто по другую сторону Стены. И когда придут Иные, перебьют их первыми.

— Они не придут к нам с миром.

— Значит, мы не будем ждать. Пойдём к ним сами: небольшой отряд, ты, я и пара братьев, которым можно доверять. Предложим сделку.

— Какую?

— Земля к югу от Стены, пустующие замки, зерно, защита. А они проводят нас туда, где ходят мёртвые.

— Мёртвые?

— Иные поднимают тела, их называют ходячими мертвецами. Южане в это не поверят, пока не увидят. Мне нужно что-то, что невозможно подделать: рука, голова, лучше всё тело.

— Ты хочешь привезти труп в Винтерфелл?

— В Винтерфелл или в столицу, как получится.

Бенджен потёр лицо ладонью.

— Это безумие.

— Это единственный вариант. Если ничего не делать, через три, максимум четыре года Иные пойдут на Стену. Ни короли, ни армии, ни мечи из валирийской стали тогда уже не помогут.

Он отвернулся к огню.

— Допустим, я соглашусь. Как мы убедим южных лордов?

— Письмом. Пишешь Неду, что на Севере происходит нечто странное, что есть доказательства древней угрозы и что нужна помощь.

— Нед не поверит бумаге.

— Поверит тебе. Ты его брат, и он знает: ты не станешь писать глупости.

Бенджен стиснул зубы.

— Я не прошу верить мне на слово, — добавляю уже тише. — Прошу не отмахиваться хотя бы до тех пор, пока мы не увидим мёртвых своими глазами.

Он посмотрел мне в лицо и долго не отводил взгляда.

— Ты говоришь не как четырнадцатилетний.

— Поверь, изнутри это ощущается примерно так же.

Уголок его рта дёрнулся, но улыбки не вышло.

— А присяга? — спросил я.

— Новичков в первую неделю к присяге не ведут. Сначала служба, потом клятва. Сколько у тебя времени, решит лорд-командующий.

Он помолчал.

— Я подумаю над твоими словами. Но обещать ничего не могу.

— Больше мне пока не нужно.

Бенджен ушёл к костру. Призрак поднялся, подошёл и ткнулся носом мне в ладонь.

— Знаю, — пробормотал я, почёсывая его за ухом. — Мне тоже хотелось бы попроще.

Утром мы выехали рано. Бенджен ехал впереди, погружённый в свои мысли. Тирион пристроил лошадь рядом с моей и какое-то время просто молчал, что для него было подозрительно.

— Ты вчера говорил с ним, — сказал он наконец.

— Да.

— О чём?

— О будущем.

— Опасная тема.

— Особенно когда знаешь, что в нём.

Тирион покосился на меня.

— Ты правда веришь, что можешь его изменить?

— Верю, что могу попробовать.

— Этого мало.

— А что нужно?

— Если бы я знал, правил бы миром.

Невольно улыбаюсь. Потом вспоминаю, что у нас ещё остался один неоконченный разговор.

— Вы вчера сказали, что вам нужно подумать. Я могу добавить к раздумьям одну вещь. Вы всё равно спросите, так что лучше сразу.

— Любопытно. Давай.

— Вы там были бы мертвы.

— Ты сказал это вчера. Хотелось бы подробностей.

— Вас обвинят в убийстве Джоффри.

Тирион замер. Лошадь под ним фыркнула, почувствовав, как он сжал поводья.

— Я не буду убивать этого мальчишку, — сказал он негромко.

— Вы и не убьёте. Но обвинят вас. Серсея будет требовать вашей головы, а отец промолчит. Ему удобнее, чтобы приговор вынес кто-то другой, а он потом мог сказать, что не щадит даже собственную кровь.

— Откуда ты…

— Я видел. Вам придётся бежать за море, в Эссос. Там вы встретите Дейенерис Таргариен и станете её десницей, потому что будете ненавидеть свою семью сильнее, чем любить Вестерос.

Тирион молчал. Белый, как снег вокруг.

— А дальше? — выдавил он.

— Дальше она сожжёт Королевскую Гавань. Десятки тысяч людей, женщины, дети, старики. Вы будете стоять рядом и знать, что привели её сами. Это закончится камерой, и вы повеситесь.

Тишина. Только скрип сёдел и дыхание лошадей.

— Ты не можешь этого знать, — сказал он наконец. Голос звучал так, словно он пытался убедить в этом не меня, а себя.

— Могу.

— Хватит «вы». После таких историй говорить мне «вы» как-то глупо.

— Хорошо.

— И что ты предлагаешь?

— Остаться на Севере. Не возвращаться туда, где вас ждёт камера. Помочь мне выстроить то, что переживёт зиму.

Тирион нервно хмыкнул.

— Сын Тайвина Ланнистера на службе у бастарда Старка. Красиво звучит.

— Я не прошу служить. Мне нужен человек, который умеет задавать неудобные вопросы и считать то, что остальные считать не хотят. Вы это умеете. А я умею то, что вы вчера видели.

Он не ответил. Какое-то время ехал молча, а потом сказал, глядя прямо перед собой:

— Самое неприятное в этом всём то, что ты говоришь так спокойно. Почти хочется поверить.

— Почти?

— Почти.

Больше он ничего не сказал. Но, пока мы ехали дальше, его лошадь шла уже заметно ближе к моей.

На седьмой день мы добрались до ворот.

Вблизи Стена выглядела ещё внушительнее: лёд, камень, вековая мерзлота. Это уже была не картинка из сериала, а тысячелетия чужих жизней, вмурованных в один гигантский монолит.

Ворота открылись с протяжным скрипом, и мы въехали во двор.

Вживую Чёрный замок смотрелся куда менее эпично, чем на экране: покосившиеся башни, облупившаяся кладка, дым из нескольких труб. Между постройками мелькнули пара фигур в чёрных плащах, но встречать нас никто не вышел. Только ветер гонял снежную пыль между башнями.

Спешиваюсь. Земля под ногами показалась чужой. Первая страница закончилась, дальше начиналась моя история.

Ночью я вышел на Стену и долго смотрел на север, в темноту. Призрак сел рядом, и его дыхание было единственным звуком на много миль вокруг.

— Я здесь, — сказал я в пустоту. — Пришёл.

И мне показалось, что ветер принёс ответ. Тихий, холодный и очень старый.

Мы ждали тебя, Джон Сноу.

Усмехаюсь и поворачиваюсь к замку.

— Знаю, — говорю я. — Я тоже ждал.

Глава 7.

Совещание назначили на после завтрака. До этого я старался не отсвечивать: помогал на кухне, чистил конюшни, держал рот на замке. Получалось так себе. Гренн, Пайпер, Малыш, Эдд Толлетт — все, чьи имена я помнил по книгам и сериалу, сидели прямо передо мной, и каждого хотелось хлопнуть по плечу, как старого знакомого. Нельзя. Для них я пока просто очередной рекрут из Винтерфелла, которого привезли вместе с карликом-ланнистером. Пусть так и остаётся.

Тирион, кстати, отсыпался после дороги. На совет его не звали, а сам он, подозреваю, был только рад.

Бенджен вошёл в трапезную, когда я доедал кашу, и на секунду задержал на мне взгляд.

— Джон. Ты идёшь со мной.

Зал совещаний оказался просторным и холодным. Закопчённые стены, длинный стол, кружки с тёплым пивом и пара свечей, которые честно пытались победить сумрак и так же честно проигрывали. Девятнадцать замков когда-то держал Дозор, а теперь живых осталось три. Для ордена, который обязан охранять границу длиной в три сотни миль, это даже не армия, а перепись.

Во главе стола сидел Лорд-командующий Джиор Мормонт: коренастый, седой, с лицом человека, которому всё давно надоело, но бросить нельзя. Аура у него была ровная, тяжёлая и очень усталая. Справа от него устроился мейстер Эймон, древний и совершенно слепой, зато с тонкой, чистой аурой, будто всё лишнее в ней выгорело ещё лет сорок назад. Слева сидел Аллисер Торне, мастер над оружием: сухой, жёсткий, с лицом, по которому словно прошлись рубанком. Его свечение выглядело тёмным и сжатым, как кулак. Чуть дальше пристроился Боуэн Марш, лорд-стюард, который смотрел на нас всех так, будто мысленно считал, сколько мы съедим за зиму.

Бенджен указал мне на место рядом с собой. Для человека, не принёсшего клятву, это было, мягко говоря, нетипично, и Торне не преминул заметить:

— Почему здесь Сноу? Он не брат.

— Потому что я его привёл, — ответил Бенджен. — Сядь, Аллисер.

— Бенджен, — Мормонт потёр переносицу, — совет собрал ты. Говори.

— Я привёл его, потому что рассказать это словами не получится. Но начну с главного. Мой племянник утверждает, что знает, что ждёт нас за Стеной. Что то, о чём у нас шепчутся у костров, правда и что оно придёт.

— Иные? — спросил Эймон негромко, даже не повернув головы.

— Да.

Торне фыркнул.

— Сказки для кормилиц.

— Пусть мальчик скажет сам, — Мормонт посмотрел на меня. — Ну, Сноу? Что у тебя?

Тут я взвесил варианты, потому что ошибка стоила дорого. Выложить всё как есть, с королём, Недом и Красной свадьбой? В этом зале такие слова улетят чёрным вороном на юг, а закончится всё верёвкой, причём не для Роберта. Промолчать? Тогда меня выслушают, посмеются и забудут. Значит, нужна золотая середина.

— Я не буду называть ни имён, ни дат, — начал я. — Любой разговор о том, кто и когда умрёт на юге, здесь быстро превратится в разговор об измене. Скажу про то, что касается нас. Иные существуют, и они придут. Скорее всего, не через десять лет, а раньше. Первыми удар примут одичалые, а то, что от них останется, пополнит армию мёртвых.

— Рад, что ты хоть это понимаешь, — буркнул Мормонт, и непонятно было, про измену он или про всё остальное.

— У Дозора три замка, пара сотен боеспособных людей и никакого шанса остановить такое одним лишь клинком, — продолжил я. — Предлагаю выйти за Стену, найти одичалых и поговорить. А попутно принести сюда то, что нельзя будет списать на сказки. Тело мертвеца, который ходил. Или хотя бы его часть.

Повисла тишина. Потом Торне медленно поднялся.

— Он предлагает нам просить мира у тех, кто резал наших братьев. Я сам хоронил людей, которых одичалые оставили в лесу. Хочешь договариваться с ними, мальчик?

— Я хочу, чтобы они не воевали на два фронта вместе с нами.

— Они не воюют на два фронта, они грабят. И ты что, собираешься кормить их на землях Дозора? — вмешался Марш. — Милорд, у меня каждый мешок зерна на счету. Если селить людей, то чем и за чей счёт?

— Это не вопрос сегодняшнего дня, — сказал я.

— А чьего?

— Когда будет, что показать королю.

Марш поморщился, но спорить не стал. Зато Торне только вошёл во вкус:

— Слышали? Показать королю. Бастард Старка уже распоряжается казной Дозора. Это не заговор, а детская игра.

— Аллисер, — тихо сказал Эймон. — Я не говорю, что мальчик прав. Но Дозор хранит записи за триста лет, и среди них есть те, которые я не могу объяснить иначе. Сказки обычно не оставляют сводок.

— Записи пишут мейстеры, мейстер, — отрезал Торне. — Мейстерам скучно.

— Бывает, — спокойно согласился Эймон.

Мормонт хмуро посмотрел на Бенджена.

— Твоё слово, первый разведчик.

— Я не прошу вас верить на слово, лорд-командующий. Я прошу посмотреть.

— Посмотреть на что?

Бенджен повернулся ко мне. Я кивнул. Всё равно рано или поздно пришлось бы.

Минус от показа понятен: слухи про колдуна расползутся по замку быстрее, чем горячая похлёбка по столам. Плюс тоже очевиден: без доказательств меня сейчас вежливо выпроводят, а Бенджена попросят не слушать племянника. Так что рискуем.

— Ну, раз показывать, — сказал я, — можно выбрать что-нибудь поубедительнее кружки. Аллисер, ваш меч.

— Что?

Клинок с тихим шорохом вышел из ножен у него на поясе. Торне, надо отдать ему должное, среагировал мгновенно: рука метнулась к рукояти, пальцы сомкнулись, но меч продолжал медленно подниматься. Сталь против сорока лет службы, и сталь выигрывала. Я пододвинул его на уровень груди хозяина, подержал секунд пять и мягко опустил на стол перед ним. Клинок звякнул о дерево.

— Что там? — спросил Эймон. — Я слышал, как меч вышел из ножен. А потом?

— Меч Торне летает, мейстер, — пробормотал Марш, не сводя с меня глаз.

— Вот как.

Торне стоял, всё ещё сжимая рукоять. Лицо у него было белым, как мел.

— Колдовство, — выдохнул он.

— Дар, — поправил Эймон. — Или нечто, для чего у нас нет названия. Старые книги умеют различать, Аллисер, а у нас — нет.

— Его это не пугает?

— Меня давно ничего не пугает, — сухо ответил Эймон. — Устаю быстро.

Мормонт тяжело откинулся на спинку стула. Несколько секунд он молчал, глядя то на меч, то на меня. Аура у него оставалась ровной и спокойной, словно он принимал мысленное решение и не собирался торопиться.

— Ладно, — сказал он наконец. — Допустим, это не фокус. Но фокус или нет, пока ничего не доказано, кроме того, что мальчишка умеет двигать железо. Что до остального, то слушайте меня внимательно. Договоров я не заключаю, земель не раздаю и зерна не обещаю. Это решения короля и Лордов Севера, а не мои.

— Милорд… — начал было Бенджен.

— Я не закончил. — Мормонт поднял ладонь. — Но разведчики на то и разведчики, чтобы ходить туда, куда другие не суются. Если первый разведчик решил взглянуть, что творится за Стеной, пусть смотрит. Встретит одичалых — слушает, но ни в чём не клянётся от имени Дозора. Найдёт что-то мёртвое и неспокойное — тащит сюда, и тогда мы поговорим дальше. Не раньше.

— Принимаю, — сказал Бенджен.

Это, если честно, было ровно то, что нужно. Договор мне пока вообще не требовался. Мне требовалось выйти за Стену, а остальное придётся дожимать по ходу дела.

— Мальчишка? — коротко спросил Торне.

— Идёт с Бендженом. — Мормонт посмотрел на меня. — Присяги ты не приносил, значит, формально ты не наш. Поэтому, Бенджен, он под вашей ответственностью. Случись что, объясняться с Эддардом Старком будете сами.

— Понимаю, милорд.

— И волк с ним?

— Волк с ним, — сказал я. — Он всё равно не отстанет.

Мормонт хмыкнул, а я краем глаза заметил, что Призрак всё это время лежал у двери и слушал так внимательно, будто понимал каждое слово. Возможно, так оно и было.

— Не больше шести человек, — продолжил Мормонт. — Остальные нужны мне здесь. Боуэн, проследи, чтобы им дали припасы. Выступаете через два дня.

— Два дня, милорд? — переспросил Марш с видом человека, у которого горит склад.

— Два дня.

Заседание закончилось, и зал начал пустеть. Я как раз собирался вернуться на кухню, пока меня не хватились, когда на пути вырос Торне.

— Я не верю ни одному слову, Сноу, — сказал он тихо. — Ни про Иных, ни про дар, ни про твои видения. Верю только тому, что видел: ты умеешь двигать сталь. А такие люди рядом с мечами мне не нужны.

— Понимаю.

— Если приведёшь на Стену хоть одного одичалого без разрешения лорда-командующего, первым его встречу я. И тебя заодно.

— Принято.

— И ещё. Не трогай больше мой меч.

— Не трону, — пообещал я.

Он помедлил, вроде собираясь добавить что-то ещё, но промолчал и ушёл. Не самый тёплый прощальный разговор, зато честный. Как всегда с Торне: он хотя бы не притворяется.

Я остался в пустом зале рядом с догорающими свечами. Подошёл Призрак и ткнулся лбом в моё плечо.

Итого за утро: ни договора, ни земель, ни зерна. Зато разрешение выйти за Стену и два дня на подготовку. Если честно, я получил половину того, что хотел, причём важную половину.

— Знаю, — тихо сказал я волку. — Начинаем.

Глава 8.

До выхода за Стену оставалось два дня, а дел набралось на неделю. Прикидываю в голове список: броня для отряда, броня для Призрака, нормальный разговор с кузнецом, сон. Последний пункт придётся вычеркнуть как самый несрочный.

Начал с Боуэна Марша. Мормонт приказал выдать нам припасы, и Марш выполнил приказ в полном объёме, то есть с видом человека, у которого вырывают зубы. Железа я попросил почти двести фунтов, считая обломки клинков и ломаные подковы. Он выдал всё, вписал в книгу, пересчитал ещё дважды и заставил расписаться. Я не спорил: с этим человеком мне ещё жить.

Кузницей заведовал Донал Нойе: широкий, как дверь, с лысеющей головой и пустым левым рукавом, подколотым к плечу. Руку он потерял ещё до Дозора, на какой именно войне, не рассказывал, а спрашивать было как-то неловко. По сериалу я помнил его одним из немногих взрослых на Стене, кто относился к Джону по-человечески. Сейчас, правда, он смотрел на меня как на подозрительную заготовку: непонятно, что из неё выйдет.

— Ты тот самый, — сказал он вместо приветствия. — Марш говорит, мне велено дать тебе угол и железо и вопросов не задавать. Вопросов, если честно, у меня много.

— Задавайте.

— Первый: что ты тут собрался делать? Второй: почему меня просят молчать, будто ты королевская казна?

— Работать с железом. Ночью, когда горн остынет.

— На холодном горне? — он хмыкнул. — Мальчик, без огня железо не ковкое.

Вместо ответа я взял с полки ржавый прут, который не годился даже на гвозди, закрыл глаза и потянул. Ржавчина осыпалась, металл поплыл, и через минуту на моей ладони лежал прямой клинок длиной с предплечье. Закалки, конечно, никакой, зато форма и плотность без лишнего.

Нойе помолчал секунд десять. Потом взял клинок так, как берут вещь, которую заранее считали браком, повертел перед светом, согнул о колено (клинок согнулся и вернулся), стукнул по наковальне и прислушался к звону.

— Ни раковин, ни шлака, — сказал он наконец. — Семеро, я всю жизнь на это угробил, а ты…

— Колдовство?

— Называй как хочешь. Мне плевать. — Он положил клинок на наковальню. — Но железо не глина. Если не понимаешь, что делаешь, получишь красивую вещь, которая лопнет на третьем ударе. А погибнет тот, кто ей поверил.

— Поэтому я и пришёл. Я знаю, как должна работать кольчуга. Но как раз в этом я могу ошибаться, и мне нужен человек, который скажет, где именно.

Нойе впервые усмехнулся, пусть и скупо.

— Приходи в полночь, не раньше. Днём у меня работы и без тебя хватает. И дверь запирай.

В первую ночь я быстро понял, что идея плести кольца по одному никуда не годится: на шесть кольчуг уйдёт полгода. Нужен был способ получше. Попробовал так: вытягиваю проволоку мысленно, наматываю её на воображаемый стержень, режу на звенья и сразу сцепляю, по десять-двенадцать штук за раз. К рассвету получилось что-то похожее на первую кольчугу. Серебристая, лёгкая, но с дефектами, которые я пока видел плохо.

Нойе пришёл посреди ночи с фонарём и молча сел в углу, наблюдая. Спустя час он встал, взял готовую кольчугу и подвесил её на столб.

— Заклёпок нет.

— Звенья цельные.

— Цельные хрупкие. Или слабо держат.

— Потому я смотрю, где металл напряжён, и подправляю.

— Смотришь, — повторил он. — Ну, смотри.

Левой руки у него не было, но правой он замахнулся топором и рубанул по кольчуге так, что звенья задрожали. Она осталась целой.

— Для первой сойдёт, — сказал он. — Ворот тонковат: сломается первым. И вот тут, под мышкой, слишком мелкое плетение, будет тереть.

Я исправил. Он молча кивнул и ушёл к себе, а я ещё час переделывал, пока кольца под мышкой не легли свободнее.

Расход сил я отмечал для себя отдельно. Усталости не было вообще: тело работало, как хорошо смазанный механизм. Это по-прежнему настораживало, но выяснять цену было некогда.

На вторую ночь я занялся Призраком. Ошейник сделал из старых подков: три ряда шипов наружу, чтобы никакая пасть не сомкнулась на горле, а между ними тонкая сетка, прилегающая к шерсти. Попона вышла грубее: полосы мягкого железа, соединённые гибко, внутри подкладка из овечьей шерсти, которую я утащил со склада, снаружи мелкие чешуйки.

Призрак, конечно, всё это время стоял и смотрел на меня с выражением «ты серьёзно?».

— Выглядишь как броненосец, — сказал я, затягивая ремни. — Грозный броненосец.

Он фыркнул, прошёлся по кузнице, потряс головой и, кажется, пришёл к выводу, что мешает не больше, чем зимняя шерсть. Я уловил от него отголосок чувств: недоумение, любопытство и что-то вроде снисходительного согласия. Ладно, и на том спасибо.

Днём я нашёл Гренна, Пайпера и Малыша на тренировочном дворе. Бенджен отобрал их сам: трое новичков, которые держат себя в руках и не станут задавать лишних вопросов, по его мнению, лучше десятка опытных, которые станут. С Эддом Толлеттом вышло иначе: его включили в отряд просто потому, что он был нужен.

— Нас? За Стену? — Гренн моргнул. — А мы разве не… ну… не дальше конюшни?

— Дальше, — сказал я. — Через два дня.

— Прекрасно, — вздохнул Пайпер. — Я рассчитывал дожить до весны, но, видимо, это было слишком смело.

Малыш промолчал, но побелел.

— Держите, — протянул я каждому по кольчуге. — Здесь, кроме вас, носить некому.

Гренн повертел свою в руках.

— Это ты сам? За две ночи?

— С помощью Ойе.

— Лёгкая, — пробормотал Малыш. — Очень лёгкая.

— Не обольщайтесь, — сказал Эдд, подходя. Он был длинный, мрачный, с лицом человека, у которого уже случилось всё плохое и который теперь терпеливо ждёт добавки. — Лёгкая броня значит, что умирать будем быстрее, зато без лишней тяжести.

— Тебя вообще никто не спрашивал, — буркнул Пайпер.

— Меня и в поход никто не спрашивал, — согласился Эдд. — Но когда мне выдали новые сапоги, я начал догадываться. В Дозоре просто так сапоги не дарят.

Я протянул ему последнюю кольчугу.

— Для тебя.

Эдд взял её, потрогал звенья, примерил на глаз.

— Мило. Хоть умру в чём-то приличном.

— Ты не умрёшь.

— Это обещание?

— Прогноз.

— Худшая разновидность, — сказал он без тени улыбки. — Ну да ладно. Спасибо.

Тирион попался мне на пути ближе к вечеру. Он бродил по двору в мехах, и его короткие ноги выписывали в снегу такой темп, что за ним не всегда получалось уследить.

— Слышал, ты нашёл себе занятие, — сказал он. — Кузнец.

— Логично при моих способностях.

— Скромно. По-северному. — Он глянул на Стену, возвышавшуюся над замком. — Я тут утром поднимался на её вершину. Подъёмник, холод, великолепный вид и одно маленькое личное дело, которое я, как человек воспитанный, не мог не выполнить на самом краю.

— Ты не…

— Я сделал, — спокойно подтвердил Тирион. — С высоты семисот футов. Очень рекомендую, ощущения незабываемые.

Я прыснул, и он довольно хмыкнул.

— А вчера я играл в кости с братьями и проиграл три раза из четырёх, — продолжил он. — Выиграл только один, зато самый важный: Пайпер теперь передаёт мне вино раньше, чем я прошу.

— Ты проиграл нарочно?

— Я проиграл вдумчиво. Нет смысла обыгрывать людей, которые тебя только что приняли. Проще дать им почувствовать, что они умнее.

— Хитро.

— Дипломатия, — сказал он. — Просто с честным лицом.

Вечером в общем зале я устроился рядом с Гренном и Пайпером. Тирион уже занял место у камина: кружка подогретого вина в одной руке, кости в другой, а напротив него сидел Нойе и, судя по лицу, уже подозревал неладное.

— Ты точно не жульничаешь? — спросил он.

— Я? — Тирион изобразил невинность. — Просто везучий.

— Везение — это когда умеешь считать, — проворчал Нойе.

— Считать я умею, — признался Тирион. — Но сегодня считаю, что у меня есть шанс отыграть вчерашнее.

Гренн наклонился ко мне.

— Он вообще нормальный? Он же Ланнистер.

— Он Тирион, — ответил я. — Это не одно и то же.

Гренн недоверчиво покосился.

— Ты уверен?

— Пока он ни разу не подвёл.

— Пока, — хмыкнул Гренн. — Ладно, подождём.

Поздно вечером, когда зал опустел, Тирион остался у камина один. Я сел рядом.

— Завтра выходим.

— Слышал.

— Ты остаёшься?

— Да, — он покрутил кружку. — До поры.

— Почему?

— Не потому, что поверил, — сказал он, глядя в огонь. — Я, как ты, наверное, заметил, не склонен верить людям, которые рассказывают мне, как я умру. Но ты сказал очень конкретные вещи, и теперь у меня есть вопрос, на который я не знаю ответа. Я не умею жить с такими. Придётся проверить, насколько ты ошибаешься.

— Нормальная причина.

— Лучшая. Остальные красивее, но хуже работают.

Мы молчали, глядя на пламя. За окнами завывал ветер.

— Если вернёшься живым, — добавил Тирион, — расскажешь, что там. Подробности мне, пожалуй, понравятся.

— Если вернусь, расскажу.

— Уже неплохо, — согласился он.

Глава 9.

Выехали затемно, когда звезды еще висели над Стеной, а ветер гонял по двору снежную пыль. Из Черного замка вышла ровно шестерка, как велел Мормонт: Бенджен, я, Эдд, Гренн, Пайпер и Малыш. Седьмой, Кворэн Полурукий, ушел на день раньше проверить дорогу и должен был ждать нас у Крастера, так они с Бендженом договорились еще до совета. Формально лорда-командующего это не нарушало: разведчик, ушедший вперед, в отряд не входит. Мормонт, подозреваю, понимал это отлично и сделал вид, что нет.

Ворота оказались не воротами, а длинным ледяным тоннелем с тремя решетками. Каждую опускали за нами с таким лязгом, что у Малыша дернулась щека. Я не оглядывался, пока мы не вышли наружу, а потом все-таки глянул назад. Стена стояла в небе как отвесная скала, и по гребню уже ползли первые лучи. Красиво. Настроения это, правда, не улучшало.

Первый день прошел без происшествий. Мы шли на северо-запад, огибая перелески и замерзшие болота. Снег был ноздреватый, местами под коркой пряталась вода, и лошади то и дело проваливались по колено. Пайпер громко жаловался, что его кобыла выбрала самый мокрый маршрут из возможных. Гренн молчал. Эдд заметил, что мокрые ноги это еще раз-

минка. Бенджен ехал рядом со мной, и аура у него дергалась так, как бывает у людей, которые слишком много думают.

— Боишься? — спросил я тихо.

— Не за себя, — ответил он. — Боюсь, что мы не успеем.

— Не знаю, успеем ли.

Он покосился на меня.

— Честный ответ.

— Другого нет.

Крастера мы нашли на второй день.

Место я помнил по книгам и сериалу: частокол, длинный дом на каменном основании, дым из трубы, вокруг лес. Дозор останавливался здесь не первый десяток лет, потому что на много миль вокруг других крыш не было. Бенджен объяснил это еще в дороге, коротко и без энтузиазма: «Крастер, конечно, мерзавец. Но у него тепло, и он нас не убивает. На этом наш договор и держится».

Кворэн ждал у частокола, как условились: жилистый, сухой, с лицом, выдубленным ветром так, что возраст определить было невозможно. Левая кисть у него была без трех пальцев, но поводья он держал так, словно ему этого вполне хватало.

— Дым идет, собаки лают, — доложил он. — Крастер жив. Значит, ничего не изменилось.

— Давно здесь? — спросил Бенджен.

— С полудня. Он меня заметил, но выходить не стал. Ему нравится, когда мы сами приходим.

Дальше начиналась та часть, которую я обдумывал с самой Стены. Вариантов было два. Первый: переночевать, поесть и уйти, как делает Дозор последние лет сто. Второй: сказать то, что я знаю, и посмотреть, что будет. Проблема в том, что Крастер отдает сыновей Иным, а значит, они знают, когда и сколько дозорных проходит через его двор. Не самая приятная мысль для человека, который собирается идти за Стену с четырьмя спутниками. И аргумент попроще, личный: сидеть за одним столом с типом, который каждую зиму выносит в лес младенцев, я не собирался.

Ворота открылись, не успели мы постучать. Крастер вышел во двор: низкий, коренастый, с жирным лицом и маленькими хитрыми глазами. Аура у него была желтая, вязкая и абсолютно спокойная. Он нас не боялся. Зря.

— Вороны, — просипел он. — Опять. Каждый раз одно и то же: пустите, Крастер, холодно. А что Крастер получит?

— Ячмень, как всегда, — сказал Бенджен. — И бочонок вина.

— Как всегда мало. Ладно, заходите. Но по двору чтобы никто не шатался.

— Один вопрос, — сказал я.

Бенджен глянул на меня так, что я заранее почувствовал себя виноватым.

— Сколько у тебя сыновей, Крастер?

— Много, — осклабился он. — Крастер плодовитый.

— Где они?

— Не твоего ума дело, щенок.

— Я знаю, кому ты их отдаешь.

Он замолчал. Не побледнел и не отшатнулся, просто перестал улыбаться. Потом его взгляд скользнул вбок, туда, где у двери стоял топор.

Я заметил это за секунду до того, как он потянулся. Заметил и ничего не сделал, просто ждал. Для приговора, наверное, этого хватило бы, если бы приговоры в этих краях выносил кто-то, кроме нас. Топор пошел вверх, Крастер открыл рот, и клинок вылетел из ножен сам, раньше, чем топор прошел половину пути. Один удар. Крастер осел на колени, зажимая горло, хрипя, потом ткнулся лицом в снег.

В доме закричали женщины.

— Джон! — Бенджен рывком развернул лошадь. — Что ты сделал?

— Он потянулся за топором.

— А ты стоял и ждал, пока потянется.

— Да.

Несколько секунд он молча смотрел на меня.

— Если ты еще раз сделаешь такое без моего слова, отправлю обратно. Не посмотрю, что ты мой племянник.

— Понял.

— Ему давно пора было, — буркнул Кворэн. — Не вы, так кто-нибудь другой.

— Кворэн.

— А что? Кому-то из нас это говорить нельзя?

— Ну, — вздохнул Эдд, — значит, с ночевкой вопрос.

Из дверей выглядывали женщины. Около десятка, молодые и не очень, грязные, перепуганные. Старшая шагнула вперед, не сводя глаз с тела.

— Почему ты его убил?

— Из-за мальчиков.

— Они все равно придут, — сказала она ровно. — Каждую зиму приходят, убьешь ты его или нет.

Бенджен спешился и заговорил негромко:

— Здесь вам оставаться нельзя. Мы отправим вас к Стене. Лорд-командующий решит, что с вами делать: оставит в замке или отправит в Винтерфелл. Больше этого обещать не могу.

— Хуже, чем здесь, не будет, — сказала старшая.

Рядом с ней стояла совсем молодая девчонка, лет шестнадцати, прижимая ладони к заметно округлившемуся животу. Я посмотрел на нее дольше, чем стоило.

— Как тебя зовут?

— Гилли.

Срок, судя по виду, у нее был не сегодня-завтра, но и не через неделю. До Чёрного замка она доберется раньше, чем родит. Остальное потом.

Дом Крастера был набит, как амбар перед зимой: мешки с мукой и ячменем, копченые окорока, вяленое мясо, бочонки с медом и кислым молоком, шесть лошадей, корова и телега. Бенджен долго не раздумывал: Дозору нужна еда, женщинам нужна еда в дороге, а лежать все это здесь будет без толку. Выносили всё. Я заодно вытащил из дома все железо, цепи, замки, подковы, гвозди. Лишним не будет, когда единственный кузнец отряда это ты сам. Марш, думаю, будет счастлив, если вообще умеет.

Женщины смотрели на это молча. В глазах у них не было ни злости, ни радости, только усталое удивление: Крастер всю жизнь только забирал.

Бенджен выделил им в сопровождение Гренна и Малыша: Гренна потому, что тот огромный и спокойный, Малыша потому, что при виде всего этого он побелел так, что сомнений не оставалось: за Стену его лучше не тащить.

— Передайте лорду-командующему, что мы пошли дальше, — сказал Бенджен. — Ждите нас двадцать дней. Не вернемся, не ждите.

Малыш кивнул и вздохнул так, как вздыхают люди, которым только что подарили жизнь. Они ушли на юг: телега, лошади, женщины. Старшая из жен Крастера, прежде чем уйти, швырнула факел в окно дома.

— Пусть горит.

Мы не мешали. Дым стоял столбом над частоколом, пока лес не закрыл его за спиной.

Два дня мы шли через пустошь. Земля стала каменистой, снег жестким и сухим, деревья почти исчезли, лишь корявые кусты торчали из-под сугробов, как руки утопленников. На четвертый день Кворэн остановился.

— Дым, — сказал он, показывая вперед. — Лагерь одичалых.

— Охотники? — спросил Бенджен.

— Или передовая. Сразу не скажешь.

— Надо подойти.

— Меня они знают, — сказал Кворэн. — Увидят, сразу начнут стрелять.

— Тогда пойду я, — сказал я.

— Джон…

— Мальчик с мечом, один, выглядит дураком. А дураков сначала выслушивают.

— А потом убивают, — заметил Эдд.

— Иногда.

Бенджен долго смотрел на меня, потом кивнул.

— Мы будем рядом.

Меч я выковал по дороге, две ночи у костра, пока остальные спали. Получилась глыба почти в мой рост: прямая, широкая, обоюдоострая, с рукоятью под две руки. На вид тянет килограммов на тридцать. На деле я держал его не руками, а чутьем на металл, а руки только направляли. Всю дорогу он висел у меня за спиной, и Пайпер, увидев его в первый раз, заявил, что я явно собрался рубить деревья. Не угадал, но близко.

Они заметили меня за две сотни шагов. Первым вышел крепкий мужик с копьем, за ним трое с луками.

— Стой! Кто такой, ворон?

— Джон Сноу. Хочу поговорить с вашим вождем.

— С Мансом? — он осклабился. — Смешной мальчишка. Зачем ты нам?

— Вам, может, и незачем.

Они расхохотались. Тот, что с копьем, шагнул ближе.

— Поговорить? У нас воронов не слушают, а режут.

И ударил. Копье шло в живот, быстро и точно, как у человека, который не играет. Я ушел в сторону, мысленно дернув себя за пряжку ремня, чтобы выиграть полшага, и клинок сам нашел дорогу: сверху вниз, от плеча до пояса. Он еще успел удивиться.

Второй выскочил с ножом, крича. Блок, горизонтальный удар с добавкой от металла, и он упал рядом с первым. Третий замер с оружием в руках, глядя то на тела, то на меня.

— Ты… ты не человек.

— Человек. Просто не такой, как вы привыкли.

Из самого большого шатра вышел высокий мужчина с рыжей бородой и огромным топором. Окинул взглядом тела на снегу.

— Два моих лучших парня, — сказал он без особой печали. — Ну-ну.

— Они ударили первыми.

— Видел, — ухмыльнулся он. — Стоял за пологом и смотрел. Мальчишка с глыбой железа и двое покойников. Давно мне не было так весело.

— Кто ты?

— Тормунд, — сказал он с таким видом, будто представлял короля. — Он же Гремящий Гром, он же Великанья Смерть, он же Медовый Убийца. Дальше длинно.

— Мне и этого хватит.

— Зачем пришел, Джон Сноу?

— К Мансу.

— Манс воронов не принимает. Режет.

— Он сам был вороном.

— Это не секрет, — хмыкнул Тормунд. — С чего мне тебя к нему вести?

Тут пришлось выбирать. Показывать или нет? Плюс: мне поверят. Минус: слухи про колдуна разойдутся по всему лагерю. Но разговор «пропустите ворона» без аргументов обычно заканчивается стрелой в спину.

Я протянул руку. Ножи, наконечники стрел, пряжки ремней, все железное вокруг дрогнуло и тихо зазвенело. Несколько клинков чуть приподнялись из ножен. Одичалые попятились.

— Колдун, — прошептал кто-то.

— Ага, — отозвался Тормунд, который не отступил ни на шаг. — Интересно. Ладно, ворон. Отведу. Если Манс решит тебя повесить, посмотрю. Люблю смотреть.

Так я познакомился с Тормундом Великаньей Смертью.

— Это у него переговорам учат? — тихо спросил Кворэн за спиной.

— Нет, самоучка, — ответил Бенджен.

— Видно. Нормальные дипломаты берут перо и пергамент. А этот взял кусок железа весом с корову.

— Зато результат тот же, — заметил Эдд. — Все соглашаются.

Тормунд оказался говорливым попутчиком. Ехал рядом и то и дело косился на меч у меня за спиной.

— Ты это носишь каждый день?

— Каждый.

— И не устаешь?

— Устаю. Привыкаю.

— Безумный ворон, — довольно сказал он. — Нравится.

Чуть позади ехала рыжая девчонка с луком, лет шестнадцати-семнадцати. Игритт. Она слушала наш разговор, делая вид, что разглядывает деревья.

На второй день она подъехала ближе и какое-то время молчала. Потом спросила:

— Вороны все еще думают, что это сказки?

— Что?

— Белые Ходоки.

Я посмотрел на нее. В глазах не было обычной насмешки.

— Многие думают. Я нет.

— Мы тоже, — сказала она. — Только мы не думаем. Мы бежим.

— От них?

— А ты как думал? Что мы к вам идем от скуки? — она хмыкнула. — Ты ничего не знаешь, Джон Сноу.

Прозвучало до боли знакомо. Улыбаться я не стал.

На третий день мы увидели лагерь. Тысячи шатров по заснеженной долине, дым костров, лошади, повозки, дети, женщины, старики. Целый город.

— Семеро милосердных… — прошептал Эдд. — Сколько же их?

— Тысяч десять, — спокойно сказал Кворэн. — Может, больше.

— И все хотят пройти через Стену?

— Все, — сказал Тормунд. — И пройдем. Или умрем, пытаясь.

Он не шутил. А потом я заметил, что у края лагеря стоят они. Огромные, лохматые, с дубинами. Великаны. Настоящие.

— Это… — начал Бенджен и запнулся.

— Ты их раньше не видел? — спросил я.

— Следы видел. Но так близко и вживую — нет.

Один из великанов повернул голову в нашу сторону, поднял руку и что-то крикнул низким гортанным голосом, похожим на камнепад.

— Что он сказал? — спросил Эдд, бледнея.

— Что вы маленькие, — перевел Тормунд. — И что вам нужно больше есть, чтобы вырасти.

— Он шутит?

— Великаны не шутят. Они говорят, как есть.

— Тогда я, пожалуй, потерплю, — пробормотал Эдд.

Шатер Манса оказался большим, но не роскошным: шкуры, меха, простые столы и скамьи, костер посередине, дым уходит в дыру в крыше. Сам Манс сидел у огня. Высокий, жилистый, с седеющими висками, человек, который много лет носил черный плащ и до сих пор не очень привык его не носить. Аура у него была ровная и плотная, как у Бенджена, только теплая, почти золотая.

— Бенджен Старк, — сказал он. — Последний раз я тебя видел, когда на мне еще был черный плащ.

— А на мне не было стольких седых волос, — ответил Бенджен.

Манс усмехнулся.

— Вороны далеко от Стены просто так не ходят. Чего хотите?

— Слушать, — сказал Бенджен. — Передать лорду-командующему, чего хотят одичалые. Обещать от Дозора я ничего не могу.

— Честно, — кивнул Манс. — Лучше, чем обычно.

— Вы идете не воевать, — сказал я. — Вы идете бежать.

Манс медленно перевел взгляд на меня.

— Это мальчик Старка?

— Племянник, — сказал Бенджен.

— И он знает, что мы бежим. Интересно. Ты первый ворон, который понял это без стрелы в ноге.

— Подробностей я не знаю. Знаю, что они идут, а на их пути вы.

— Да, — просто сказал Манс. — Идут. Каждую зиму ближе. Мы собрали всех, кого смогли, и ищем способ перевести людей за Стену. Вы нас не пустите. Значит, придется прорываться. Не хочу. Но придется.

— Я не могу обещать вам Стену, — сказал я. — Но могу сделать так, чтобы вас хотя бы выслушали.

— Чем?

Вместо ответа я поднял руку. Нож на поясе Манса выскользнул из ножен, повисел в воздухе, лениво повернулся вокруг оси и вернулся на место.

Манс посмотрел на нож. Потом на меня.

— Колдовство. Дорого стоит?

— Пока не знаю.

— Честно, — повторил он. — Ладно. Допустим, я тебе поверю. Чего вы хотите?

— Мертвых. Тех, что ходят. Южане не поверят, пока не увидят.

— Много просите. — Манс откинулся назад. — Я не король, ворон. У меня не королевство, а толпа, которая идет за мной, пока ей это выгодно. Скажу «отдайте мертвого», кто-то отдаст, а кто-то решит, что я продался воронам. Завтра соберу вождей.

Вожди пришли на следующий день. Трое, самых отпетых, как сказал позже Тормунд: ледоречец, чье племя, по слухам, ело друг друга в голодные зимы; хозяин клана, поклонявшегося мертвым; и тощий исполосованный шрамами человек с глазами безумца.

— Нам не нужен мир с воронами, — сказал первый, швырнув на пол мешок, из которого торчали кости. — Нам нужна война.

— И чтобы их колдун убрался, — добавил второй.

— Или умер, — закончил третий.

Манс развел руками.

— У нас нет закона, ворон. Любой может бросить вызов. Я не вмешиваюсь: это не мой дом, а общий. Проиграешь, я тебя не спасу. Выиграешь, вопросов будет меньше.

Прикидываю. Выиграть надо, причем без магии. Если они увидят, как я отбираю у них топоры или давлю металлом, скажут, что колдун не умеет драться честно, и это только усложнит дело. С колдовством еще успею: когда у меня будет собственная гвардия, пусть кто-нибудь попробует сказать мне это в лицо. Хех. А пока скорость и меч.

— По одному или все вместе? — спросил я. — Мне без разницы.

Первый вождь, здоровяк с топором, покрытым ржавчиной и чужой кровью, шагнул вперед.

— Ты умрешь, мальчик.

— Нет.

Он замахнулся широко и красиво, как человек, который привык, что на этом всё заканчивается. Я ушел под удар и рубанул снизу вверх. Тело рухнуло в снег, и снег вокруг быстро потемнел.

Второй бросился с криком. Я шагнул в сторону, рубанул по ногам, а когда он упал, добил. Единственное, что я себе позволил, это слабый рывок за металл на поясе, чтобы выиграть полшага. Со стороны выглядело как быстрый шаг.

Третий замер, посмотрел на тех двоих, потом на меня и попытался бежать. Зря: трех шагов хватило, чтобы догнать. Все вместе заняло меньше минуты.

Стало тихо. Одичалые смотрели на меня: страх, неверие и что-то вроде уважения.

— Я вам не враг, — сказал я, вытирая клинок о снег. — Но тех, кто поднимет на меня руку, буду убивать.

Манс кивнул в сторону шатра и ушёл первым, не оглядываясь. Остальные вожди с их людьми начали расходиться. Тех троих, что остались на снегу, никто не трогал, и это тоже кое о чём говорило.

Остаюсь на месте и вытираю клинок снегом. Руки не дрожали, и это, как ни странно, беспокоило сильнее всего. За последние три дня я убил Крастера, двух разведчиков и вот этих троих. Шесть человек. По меркам прошлой жизни это дело для тюрьмы или психиатра. По меркам этой, судя по лицам вокруг, обычная неделя. Радоваться тут нечему, но и мучиться, похоже, некогда, а такое сочетание мне не нравилось. Оставлю на потом, когда будет время.

— Хорошо отмахал, — раздался голос рядом. — Для ворона вообще замечательно.

Тормунд подошёл с огромным рогом в руке и с видом человека, у которого сегодня праздник. Протянул мне.

— Пей.

— Я не…

— Из рук в лагере отказываться нельзя. Это как плюнуть в костёр. Пей.

Отпиваю. Мёд, крепкий и густой, на удивление хороший для лагеря, где десять тысяч человек бегут от конца света.

— Знаешь, почему никто за тебя не вступился? — спросил Тормунд, забирая рог и делая внушительный глоток.

— Потому что вызов был по правилам?

— Это раз. А два, — он понизил голос, — эти трое тянули Манса в разные стороны с самого лета. Один хотел вернуться в Ледяные реки, второй требовал напасть на Стену, а третий вообще собирался идти один, кроме него в лагере никто не понимал, куда именно. Манс их убрать не мог. Вождь на вождя руку не поднимает, иначе завтра у него не десять тысяч, а три отряда по две.

Я медленно повернул голову.

— То есть Манс…

— Манс ничего не делал. — Тормунд ухмыльнулся в бороду. — Он вообще очень вежливо не вмешивался. А тут приходит чужой мальчишка, вызывает его врагов, убивает их по закону, и лагерь целый, и совесть у Манса чиста. Удобно, а?

Прикидываю. Манса можно упрекнуть в чём угодно, только не в глупости. Он видел, куда я иду, и дал мне дойти. Не подставил, не толкнул, просто не мешал. Ладно. Меня использовали ровно настолько, насколько я использовал их: мне нужен был его лагерь, ему нужен был я. Счёт, в общем, ничья.

— Он сам тебе это сказал?

— Он мне вообще ничего не говорит. Я просто хорошо его знаю. — Тормунд допил, вытер бороду. — Идем. Он ждет. И, ворон…

— Что?

— Раз уж ты теперь нам почти свой, учти: ты теперь должен Мансу. Не деньгами. Но он помнит всё, и ты это почувствуешь, когда придет время платить.

— Принято.

— Вот и славно.

Я подтянул ремень, перехватил меч поудобнее и пошёл за ним к шатру. Бенджен и Эдд ждали у входа, оба с одинаково кислыми лицами. Призрак поднялся и пристроился слева.

— Ну как? — шепнул Эдд.

— Нормально.

— Ты убил трёх вождей.

— Он знает, — сказал Бенджен. — Всё он знает.

Полог откинулся.

Глава 10

Разговор в шатре Манса тянулся почти до рассвета, и главное я вынес из него одно: Манс давно решил, что пойдёт к Стене, и ждал только того, кто согласится его выслушать с той стороны. Мои слова про мёртвых он выслушал молча и в конце кивнул не мне, а скорее самому себе.

— Мертвеца тебе привезти, значит. Ну-ну. С этим-то у нас как раз проблем нет.

— В каком смысле?

— В прямом. Сам увидишь.

Утром он собрал вождей. Шатёр набился так, что люди сидели на шкурах, стояли вдоль стен и чуть ли не висели на жердях. Эдд потом клялся, что его трижды выносило к выходу вместе с толпой. Я встал у стены рядом с Бендженом и решил молчать: чужой народ принимает решения сам, а моё дело отвечать, если спросят.

— Идём к Стене, — сказал Манс, когда шум стих.

Гул прокатился по шатру, как камнепад.

— Не воевать, — продолжил он. — Просить. Вороны нам ничего не обещали и не могут. Их командир не подпишет мира за один день. Но и прогнать десять тысяч беженцев, не поглядев на них, он тоже не посмеет.

— А если посмеет? — крикнули сзади.

— Тогда мы окажемся в том же положении, что и сейчас, только ближе к Стене. Выбор такой: идти туда или сидеть здесь и ждать тех, кто идёт за нами. — Он помолчал. — Кое-кто из вас уже видел, кто именно.

Тишина стала другой. Тяжёлой.

Не все были рады. Какой-то жилистый старик с лицом как у вяленой рыбы, из тех, кто пришёл с Ледяных рек, плюнул на пол и сказал, что вороны сожрут нас всех, а он лучше замёрзнет свободным. Манс посмотрел на него без злости.

— Не держу. Можешь остаться и замёрзнуть.

Старик остался сидеть, но спорить перестал. Я заметил, как несколько человек покосились в мою сторону: трое вождей, которые бросили мне вызов, лежали теперь в снегу за шатром, и желающих повторять не нашлось. Честно говоря, лучшего аргумента в этом споре у меня не было, и пользоваться им дважды я бы не стал.

На ночь мне показали, что имел в виду Манс.

Разбудила Игритт. Не по-доброму, а ткнув носком сапога в бок.

— Вставай, ворон. Твои мертвецы пришли.

— Мои?

— Те, что ты просил. Чем ты слушал вчера?

На южной окраине лагеря, у линии костров, собралась человек тридцать, вооружённых и мрачных. Тормунд стоял впереди с факелом и топором, Кворэн рядом, невозмутимый, как всегда. Эдд и Пайп жались поодаль, и по лицу Эдда я понял, что он уже пожалел обо всех своих шутках последних дней.

За пределами света, метрах в пятидесяти, по снегу шли трое.

Шли медленно и ровно, без спешки, без хрипа, без единого лишнего движения. Двое мужчин в рваных шкурах и женщина с распущенными волосами. Когда они приблизились настолько, что свет костра лёг им на лица, я увидел глаза. Бледно-синие, светящиеся изнутри, без единого человеческого оттенка.

— Это Хэл, — сказал Тормунд негромко, не отводя взгляда. — Охотник с Ледяных рек. Неделю назад отстал на переходе. А та, справа, Брина, из рогоногих. Двое суток назад у нас не вернулся целый разъезд, а теперь они сами возвращаются.

— Вы их жжёте?

— Каждый раз. Кроме тех, кто успевает прорваться к костру.

— Сегодня не жгите.

Тормунд скосил на меня глаза, но промолчал.

Прикидываю. Нужно быстро, без шума и желательно так, чтобы никто не погиб. Из оружия у мертвецов были ржавые топоры у двоих и нож у женщины. Для моей способности этого более чем достаточно: железо в их руках мне как продолжение собственных. Первым делом я выдернул топоры. Рукояти остались у владельцев, а лезвия беззвучно сорвались и повисли в воздухе. Мертвецы даже головами не повернули. Потом нож. Потом пряжки, застёжки, всё железное, что нашлось на шкурах. Одно движение мысли, и всё это сплелось в цепи, захлестнуло запястья и щиколотки, сомкнулось на шеях. Пара железных штырей ушла глубоко в мёрзлую землю и пригвоздила звенья намертво.

Они дёрнулись. Не сразу, а как будто им нужно было несколько секунд, чтобы осознать, что что-то не так. Потом дёрнулись снова, и первое звено лопнуло.

— Держи! — крикнул кто-то.

— Держу, — выдохнул я, перекладывая нагрузку.

Сила у них была чудовищная. Не звериная, а какая-то нечеловеческая, механическая, не знающая ни боли, ни усталости. Железные звенья натягивались, как жилы, я чувствовал каждое из них, и все они стонали. Пришлось вплетать новые, добавлять петли, сплющивать наручи в сплошные кандалы. Через минуту голова начала гудеть, как колокол, а по губе скатилась тёплая капля. Кровь. Из носа.

Я попробовал посмотреть на них аурным зрением. Всё равно интересно.

Обычные люди светятся: Тормунд ярким оранжевым, Игритт жёлтым, Кворэн ровным ржавым светом старого железа. А эти трое были пустыми. Вообще. Ни синевы, ни золота, только тусклые контуры тел и тонкий осколок холодного голубого света в груди, будто в каждом застрял кусок льда. И от каждого такого осколка тянулась нить. Тонкая, натянутая, уходящая на север, куда-то далеко за горизонт.

Нить. У меня на секунду перехватило дыхание. Я помнил такую же, серебристую, ту, что вела меня через звёздную пустоту и порвалась. Свою оборвали. Эти трое, похоже, до сих пор висели на поводке, и кто-то очень далеко держал конец.

— Ну? — сказал Тормунд.

— Они не сами, — ответил я. — Кто-то ими управляет. Все трое связаны с одним и тем же местом.

— С Иными?

— Не знаю. Но не с землёй и не с нами.

— Прекрасно, — сказал Эдд за спиной. — Значит, они ещё и не свободны. Прямо как мы.

Призрак стоял в стороне, прижав уши, и не подходил. За всё время, что я его знаю, он впервые вёл себя так. Я не стал его звать.

Кворэн присел рядом с одним из пленников и без всякого страха всмотрелся в синие глаза.

— Видел таких, — сказал он. — Два раза. Двух раз хватило.

— Что делать будем? — спросил Тормунд.

— Везти.

Тормунд присвистнул.

— Хорошо, что это не мне объяснять Мормонту.

— Мне, — сказал я.

Остаток ночи ушёл на клетки. Я сплёл три железных ящика с прутьями в два пальца толщиной, внутри каждый мертвец стоял на коленях, прикованный за шею, запястья и поясницу, а сами клетки я закрепил на санях. Работа заняла часа три. К концу я уже ничего не соображал и чувствовал себя так, будто весь вечер таскал на себе повозку.

— Ты вообще живой? — спросила Игритт, подавая мне миску с холодной похлёбкой.

— Не уверен.

— Ешь. Выглядишь паршиво.

Съел всё. Потом ещё одну миску. И ещё. Когда добрался до третьей, окружающие смотрели уже с лёгким испугом. Вывод напрашивался сам собой: способность, которая в начале пути ничего не требовала взамен, оказалась кредитом с отложенным платежом. Мелкая работа почти бесплатна, а вот держать трёх мертвецов в железе и одновременно ковать клетки стоит прилично. Нужно записать на будущее.

Следующие три дня я не вылезал из кузницы, которую одичалые соорудили из шкур и обломков саней. Подсчитывать приходилось постоянно, и цифры были неутешительные.

У большинства одичалых оказались бронзовые топоры и костяные наконечники, а настоящего железа во всём лагере набралось тонны полторы: котлы, пряжки, ножи, немного оружия. Для пил, топоров и клиньев хватало. А вот броня… Один нормальный комплект тянет килограммов на двадцать. Полсотни комплектов уже тонна. Пять сотен, как я хотел сначала, это десять-одиннадцать тонн, которых у меня просто не было.

Поэтому часть металла пришлось добывать самому. Болотная руда лежит по всей долине, под мхом, в виде россыпи мелких зёрен, и я вытягивал её из земли гектар за гектаром, как грибник, обходящий поляну. Результат: за три дня триста пил, четыре сотни топоров и клиньев для рубки, и пятьдесят комплектов доспехов. Дальше упёрся в усталость и в нехватку железа одновременно.

— Это что, не просто железо? — спросил Тормунд, повертев в руках шлем.

— Сталь. Я сам удивился.

— Как?

— Не спрашивай.

Он надел шлем, постучал по нему костяшками и довольно хмыкнул.

— Как влитой.

— Подогнал на тебе.

— Тормунд Великанья Смерть в железе, — сказал он, оглядывая себя. — Ну, теперь я самый защищённый человек за Стеной.

— И самый красивый, — сказал я.

— Я и так самый красивый, — отрезал он. — Поцелованные огнём все красивые.

Двести человек для охраны колонны он отобрал сам: самых крупных, самых злых и самых упрямых. Я проверил каждого аурным зрением, когда принимали присягу на верность Мансу (Манс настоял, чтобы никого «навязывали»). Ничего подозрительного не нашёл, только у одного, того самого с лицом вяленой рыбы, свет был грязно-серым, но он оказался среди тех, кого Тормунд всё-таки взял. Я запомнил.

Выступили на четвёртый день. Десять тысяч человек, и из них боеспособных, по моей прикидке, тысячи три. Остальные дети, женщины, старики. Сани, волокуши, повозки, лошади, собаки. Великаны шли в голове, расчищая путь, их шаги отдавались в земле даже у меня под сапогами. Мерзлота скрипела, лёд хрустел, ветер нёс пар от тысяч дыхающих ртов.

Мы шли восемь дней. Все восемь ночей мертвецы возвращались. Не в тех количествах, что в первый раз, по одному, по двое: те, кто отстал на переходе и не успел замёрзнуть окончательно, поднимались и догоняли колонну. Одичалые научились встречать их огнём и топорами. Железные доспехи Тормунда оказались кстати: ни один мертвец ни разу не добрался до человека. Но ни разу и не ушёл целым.

Игритт теперь ночевала рядом с моими санями. Говорила, что просто охраняет груз, и я не стал её разубеждать.

— Ты их боишься? — спросила она на пятую ночь, глядя на клетки.

— Нет.

— Врёшь.

— Не их. Того, кто держит нить.

Она помолчала.

— Ты правда видишь это?

— Вижу.

— Тогда мы идём правильно, — сказала она. — Раз ты видишь, значит, не зря.

На девятнадцатый день после выхода из Чёрного замка впереди показалась Стена.

Бенджен вместе с Кворэном, Эддом и Пайпом ушли вперёд за два дня до нас, чтобы предупредить. Мормонту, как я понял, это было нужно: узнать, что у ворот стоит десять тысяч одичалых, лучше заранее, чем из окна.

Он вышел сам, с Маршем, Торне и мейстером Эймоном, которого вели под руки. Остановился в сотне шагов от ворот и не двинулся дальше. Рядом с ним стоял Бенджен.

— Манс, — сказал Мормонт.

— Лорд-командующий.

— Когда-то ты называл меня просто Джиор.

— Когда-то вы называли меня братом.

Мормонт мрачно кивнул.

— Дезертира братом не называют.

— А вы всё помните.

— Я стар, но не слеп. Что тебе нужно?

— Стена, — сказал Манс просто. — Не вся. Хотя бы ворота.

— Нет.

— Знал, что скажете.

— Тогда зачем пришёл?

Манс повернул голову в мою сторону.

— Потому что вы просили мертвеца.

Тишина. Я подогнал сани, откинул шкуры, и три клетки, одна за другой, показались на свет. Три мертвеца смотрели на нас синими глазами. Один пытался податься вперёд, и цепи звякнули.

Торне выругался и отступил на шаг. Марш побледнел. Мормонт, к его чести, лишь крепче сжал губы.

— Мейстер, — сказал он. — Скажи мне, что мы видим.

— Расскажите мне, — спокойно сказал Эймон. — Я слышу цепи и шаги. Они дышат?

— Нет, — ответил я.

— Глаза?

— Светятся. Голубым.

— Холод идёт?

— Да. Даже на расстоянии.

— Так, — тихо сказал Эймон. — Запишите. Я хочу, чтобы всё это записали.

— Это обман, — сказал Торне, но голос у него сел. — Просто убитые. Трупы. Кто-то их двигает на нитках.

— Рубите, — ответил я. — Любого. Руку, голову.

Торне не отвёл взгляда. Подошёл, вытащил меч и со всей силы ударил по запястью ближайшего пленника. Лезвие прошло насквозь. Рука упала на дно клетки и продолжила шевелиться, пальцы сжимались и разжимались сами по себе. Мертвец даже не дёрнулся.

Торне отступил. Лицо у него сделалось цвета снега.

— Огонь, — сказал Кворэн. — Только он.

— Принесите факел, — приказал Мормонт.

Руку сожгли на глазах у всех. Она горела долго и неохотно, пока от неё не остался чёрный скрюченный комок.

Мормонт молчал. Кажется, в первый раз за всё время мне стало его жалко.

— Бенджен, — сказал он наконец. — Ты был прав. Объясняться будем потом.

Условия он назвал сразу и без торга. Договор с одичалыми, повторил он, не заключается ни сейчас, ни скоро: решать это не ему, а Старкам и короне. Но дать десяти тысячам людей замёрзнуть у подножия Стены он тоже не позволит. Поэтому перемирие до решения. Одичалые уходят на запад, на земли Дара возле Сумеречной башни, в заброшенные крепости и пустые постройки по соседству с ней. Оружие остаётся при них, но подходить к Стене ближе чем на милю нельзя. Манс остаётся в Чёрном замке как гость.

— Как заложник, — уточнил Манс.

— Называй как хочешь.

— Согласен. Я думал, вы потребуете больше.

— Я потребую, когда пойму, чего просить, — сказал Мормонт. — Сейчас я знаю только, что могу кормить ровно столько людей, сколько уже кормлю.

— Милорд, — Марш говорил так, будто у него уже начали вырывать зубы. — Десять тысяч человек. По скромным подсчётам, семь тонн зерна в день. У нас нет столько на всю зиму.

— Мы не просим вас кормить, — вмешался я. — Мы не за подачкой. Мы продадим лес, железо, шкуры. Всё, что умеем делать.

— Кому продадите? — резко спросил Марш.

— Найду.

— Найди быстро, — сказал Мормонт.

Торне стоял в стороне и молчал. Только когда все начали расходиться, подошёл ко мне.

— Это предательство, — сказал он тихо.

— Лорд-командующий приказал.

— Он ошибся.

— Возможно. Но вы только что видели то, что видели.

Он посмотрел на клетки. Потом на меня.

— Я видел, — сказал он без выражения. — Именно поэтому я не уверен, что мы правы, и не уверен, что вы нет. Это неприятное чувство, Сноу.

— Знакомое, — ответил я.

Он ушёл.

Две клетки по приказу Мормонта унесли в ледяные камеры под Стеной: пусть мейстеры смотрят, пока есть что. Третью оставили Бенджену для ворона в Винтерфелл и Королевскую Гавань. С письмами Мормонт не спешил, но я знал, что к утру он их напишет.

Тирион нашёл меня на стене, когда уже стемнело. Закутанный в меха, с кружкой подогретого вина, он выглядел спокойным. Но, подойдя ближе, я заметил, как слегка дрожит его рука.

— Я видел твоих постояльцев, — сказал он. — Двух из трёх ещё слышно из-под льда.

— Ну и как?

— Сначала я решил, что это отвратительная шутка. Потом, что очень качественная. А потом понял, что пора пересматривать ряд убеждений. — Он отхлебнул. — Я рассчитывал на менее убедительное доказательство.

— Прости.

— Да уж, ты старался. Ну ладно. Раз уж я теперь верю в Белых Ходоков, придётся поверить и в остальное. Нехорошо, когда картина мира разваливается за одну ночь.

— Хочешь познакомиться с остальными новостями?

— Это, как я понимаю, вон тот рыжий громила, который сейчас раздаёт приказы внизу?

Тормунд стоял у костра, стягивая шлем и вытирая пот со лба. Доспехи на нём блестели в свете огня.

— Идём, — сказал я.

Тормунд заметил нас издалека.

— Джон Сноу! А это ещё что за маленький человек?

— Лорд Тирион Ланнистер, — представился Тирион, протягивая руку. — К вашим услугам.

— Ланнистер? — Тормунд пожал руку, не скрывая удивления. — Это те, у которых золото?

— Можно сказать и так.

— А ты что здесь делаешь?

— Путешествую. Изучаю мир.

— И что узнал?

— Что Север очень холодный. И что люди здесь суровые, но гостеприимные.

— Мы гостеприимные? — прищурился Тормунд.

— Вы меня пока не убили. Это уже хороший знак.

Тормунд расхохотался так, что вздрогнули часовые на стене.

— Мне нравится, маленький человек! Пьёшь со мной?

— Я пью всегда, — сказал Тирион. — Это моё главное умение.

— Тогда идём!

Они ушли к костру, и до меня ещё долго доносился рык Тормунда, рассказывающего про медведицу, и сухие замечания Тириона, от которых великан хохотал ещё громче.

Я остался на стене и смотрел вниз, на огни. Тысячи костров, растянувшиеся до самого горизонта. Десять тысяч человек, которым завтра нужно найти хоть какой-нибудь кров, а послезавтра хоть какую-нибудь еду.

Прикидываю. Семь тонн зерна в день. Двести тысяч фунтов за месяц. Ни у Дозора, ни у Винтерфелла, ни у ближайших лордов столько зерна нет, а то, что есть, надо ещё привезти, и привезти до зимы. Иными словами: я только что привёл под Стену десять тысяч ртов и пока не знаю, чем их кормить. Следовало подумать об этом хотя бы за день до того, как всё началось.

Призрак подошёл и ткнулся носом в ладонь. Я почесал его за ухом. Подумал, что завтра придётся начинать с лесоповала, а послезавтра с чего-то посерьёзнее.

— Знаю, — сказал я волку. — Работы много.

Глава 11.

Утро встретило нас морозным туманом, который лежал над равниной молочным слоем по колено. У ворот Сумеречной башни выстроились пятьдесят человек в стальных доспехах: три шеренги, шлемы с узкими прорезями, нагрудники, наручи, и из-под каждого шлема торчала борода размером с половик.

Впечатляло. Пока не присмотришься.

— Ну что, ворон? — Тормунд стоял в первом ряду, в доспехе с шипами на плечах. Я сделал его чуть толще, чем остальным: вождь без шипов не вождь. — Как тебе мои ребята?

— Выглядят как армия героев. Пока шлем не снимут.

— Это ещё почему?

— Потому что борода лезет в шлем, а за бороду хватают. — Я показал рукой, как именно. — Пара показательных спаррингов, и вся ваша гордость окажется у противника в кулаке.

— Борода — гордость мужчины, — сказал он с достоинством.

— Вот именно.

Бенджен, стоявший рядом, кашлянул в кулак. Смехом это назвать было нельзя, но близко.

— Слушайте все, — сказал он, и шеренги притихли. — Задача простая. Идёте по следу колонны назад, туда, где вы теряли людей. Смотрите, сколько мёртвых идёт следом, откуда и как давно. Если получится, берёте ещё одного. Целого. Цепи вам выдадут. Если их больше десятка, уходите, геройствовать не нужно. Дальше Ледяных рек не заходить. Не вернётесь через двадцать дней, сочтём пропавшими.

— Мы вернёмся через двенадцать, — сказал Тормунд.

— Ты всегда так говоришь.

— И всегда прав. Просто иногда по дороге случаются дела.

Командовать будет Кворэн, это было понятно без слов. Он стоял чуть в стороне, держа поводья изуродованной левой рукой, и смотрел на строй так, как смотрят на товар, который собираются сбыть. Я подошёл к нему.

— Четвёртый справа, с лицом как у вяленой рыбы. Серый свет в ауре, не такой, как у остальных.

— Что с ним?

— Не знаю. Просто присмотри.

Кворэн не повернул головы, но глаза у него сузились, и я понял, что строй уже просмотрен вдоль и поперёк.

— Серым бывает тот, у кого болят зубы, — сказал он. — Или тот, кого заставили идти. Но присмотрю.

— Спасибо.

— Не за что. Я за всеми присматриваю.

Пятьдесят всадников двинулись к воротам. Лошади шли в войлочных попонах: на лошадиную броню у меня железа пока не хватало. Тормунд обернулся в седле и крикнул что-то вроде «не скучайте», хотя скучать тут было нечем.

Через час мы двинулись в противоположную сторону: двести человек Тормунда во главе с его сыном Торвиндом, рыжим, здоровенным и немногословным в отличие от отца. Повозки, лошади, пилы. И Тирион, которого я не звал, но который уже сидел на облучке повозки с таким видом, будто это его обоз и он милостиво разрешает нам ехать следом.

Дорога вдоль Стены на восток заняла восемь дней. Растягивалась она сама собой: днём я собирал под снегом всё железо, до которого мог дотянуться, прямо с седла, поэтому маршрут у меня получался как у пьяной черепахи: то вбок, то назад, то опять вперёд. Люди Торвинда

терпеливо подбирали то, что я вытаскивал, и складывали в повозки. Старые цепи, обломки мечей, ржавые подковы, болотная руда. К вечеру я очищал всё это от примесей и превращал в чистые слитки. Радиус у моей способности был метров двадцать пять, не больше, поэтому пилить приходилось ногами.

На третий день мы миновали Чёрный замок. Марш выдавал зерно на дорогу с таким лицом, будто отрывал куски собственной печени. А мейстер Эймон, выслушав, что мне нужно, молча протянул три тома по устройству кораблей.

— Здесь ничего нет о стальных кораблях, — сказал он, нащупав мою руку и вложив в неё свёрток. — Их никто не строил. Но и о том, что они не плавают, тоже ничего нет. Я счёл это хорошим знаком.

— Вы всегда так утешаете?

— Привычка. В моём возрасте утешение — единственное, что ещё можно подать с достоинством.

Остаток дороги Тирион читал эти тома вслух у костра и пересказывал самое нужное. Киль, шпангоуты, обшивка, ватерлиния, остойчивость. Я кивал и записывал в голове. Но однажды всё-таки не выдержал:

— А перед корабля как называется?

— Нос, — сказал Тирион, не отрываясь от книги. — Спереди. А сзади корма. Это знают даже люди, которые боятся воды.

— Я просто проверял, знаешь ли ты.

— Разумеется, — ответил он, перевернув страницу. — Я всегда верю в твои намерения.

Однажды вечером он закрыл книгу и посмотрел, как я вытягиваю из земли очередную порцию руды.

— Знаешь, Джон, пятнадцать лет я читал, что магия умерла вместе с драконами. Забавно оказаться опровергнутым человеком, который собирает железные опилки с лошади.

— Не с лошади. Из-под неё.

— Не поправляй, мне и так хватает потрясений на сегодня. — Он потёр переносицу. — Я поплыву с тобой, если не возражаешь. В Белой Гавани, говорят, приличные таверны и неплохая библиотека у мейстера. Кротовый городок я уже изучил, он разочаровал.

— Тебя никто не гонит.

— Меня никто и не звал. Но это ничего не меняет.

Восточный Дозор стоял на сером продутом берегу, там, где Стена упиралась в море. Единственный из трёх замков, глядящий на воду: через него шли припасы, письма и всё, что Дозор получал с юга. Я ожидал увидеть полузаброшенные руины. На деле у причалов покачивались три галеры, которые, судя по свежей смоле на бортах, ещё ходили: «Чёрный дрозд», «Коготь» и «Буревестник». Четвёртый корабль, «Северный ветер», лежал на берегу в лесах, и по его виду было ясно, что лежит он давно. На пирсе суетились братья в чёрных плащах, рыбаки выгружали сети, а у дальнего причала разгружался торговый корабль из Браавоса.

Нас встретил Коттер Пайк, командир Восточного Дозора: невысокий, коренастый, с обветренным лицом и такими руками, какие бывают у людей, всю жизнь проработавших с канатами. Говорил он с лёгким акцентом, выдававшим железнорождённого: родом с Пайка, судя по имени, хотя я не стал уточнять.

— Тот самый бастард, — сказал он вместо приветствия. — Слышал, десять тысяч диких и железо из воздуха.

— Из земли. Не из воздуха.

— В порту от этого проку мало.

— Посмотрим.

Он сплюнул в сторону.

— Сколько кораблей у вас? — спросил я.

— Видишь сам. Три. Четвёртый третий год на берегу, нет ни людей, ни дерева, ни денег. В Чёрном замке каждый мешок зерна на счету, а у нас на счету каждый гвоздь.

— А если бы дерево было?

— Месяц, и «Северный ветер» снова на воде.

— Два с лишним десятка человек с пилами у меня как раз есть, — сказал я и кивнул на Торвиндова отряд. — Лес рядом.

Пайк оценивающе посмотрел на дикарей, на повозки, на меня.

— Дикие с пилами. Потом, поди, ещё и корабль им отдай.

— Корабль ваш. Дерево наше. Потом посчитаемся.

— Ну, посмотрим, — повторил он мои слова, но уже без прежней резкости.

Три дня я ходил по побережью. Аурным зрением чувствовалось ясно: под серой кромкой льда и грязи залегал чёрный песок, плотный и тяжёлый, богатый железом. Реки когда-то вынесли его сюда, а море разложило по берегу. Хватило бы не на один корабль. Но нужен мне был один, зато настоящий.

Вытягивал я его на ходу, пока шёл вдоль воды: чёрная лента поднималась из песка и ложилась на причал горкой. Радиус мал, поэтому пришлось нарезать десятки кругов. Пайк наблюдал, скрестив руки, и несколько раз порывался что-то сказать, но каждый раз только качал головой.

— Как ты это делаешь? — всё-таки спросил он.

— Не знаю, — ответил я честно и добавил: — Наверное, Семеро направляют.

— Ты в них веришь?

— Пока другого объяснения нет.

Пайк хмыкнул. Он, как железнорождённый, в Семерых не верил, но спорить не стал.

Корабли Дозора я осмотрел отдельно. «Чёрный дрозд», самая старая из галер, казалась крепкой, но металлические скобы кое-где едва держались, а несколько досок на корме гнили. Всё это я подтянул, заменил проржавевшие детали и укрепил слабые места. Пайк сказал, что ещё десяток лет они прослужат. Я не спорил: это была вполне честная цифра.

Тирион наблюдал за кучей металла на причале, которая за эти дни выросла до размеров небольшого холма.

— Ты собираешься строить корабль из этого? — спросил он.

— Не из мусора. Из стали.

— Железный корабль? — Он почти рассмеялся. — Джон, железо тонет. Мой дядя Герион в Ланниспорте когда-то закупил девять кораблей из железного дерева у Форрестеров по баснословной цене, и они пошли ко дну быстрее, чем он успел подписать счёт. Это дерево, Джон. А железо ещё тяжелее.

— Возможно.

— У тебя есть план?

— Есть.

Планом это можно было назвать с натяжкой. В школе я учил закон Архимеда, и если корпус вытесняет воды больше, чем весит сам, он плавает. Пустая железная миска не тонет, шарик из того же металла тонет. Всё упирается в форму и объём. А форма у меня в голове была. Проблема в деталях, которые, как водится, самое дорогое.

— Ставлю сто золотых драконов, что он утонет, — сказал Тирион.

— Принято. Хотя денег у меня нет.

— Значит, расплатишься кораблём.

— Если не утонет, расплатишься ты.

— Не сомневаюсь.

Великанов привели на третий день. Вернее, привёл их какой-то седобородый вождь с глазами человека, видавшего слишком много. Двое великанов шли следом, и снег под их ногами дрожал.

— Манс велел, — сказал вождь, представившись Магуром. — Для подмоги. Кого убить?

— Пока никого, — ответил я. — Корабль строить будем.

— Строить? — Магур посмотрел на меня, потом на металлические горы. — Я могу остановить мамонта на ходу.

— Мамонта не надо. Нужны руки.

Великаны слушали внимательно. Магур объяснил, что они понимают общее наречие, просто горло у них слишком грубое, чтобы им пользоваться. И что злить их не стоит. Я принял это к сведению и пообещал, что накормлю. Они посмотрели на меня и, кажется, поверили.

Работали три дня без перерыва. Спал я урывками, и то не всегда. Корпус я держал в голове целиком: надо было понимать, как будут устроены каюты, переходы, склады. Тирион читал мне из книг про шпангоуты и перегородки, я переводил это в форму, а великаны подносили то, чего мне не хватало.

И вот пришёл день, когда пора было поднимать корпус.

Вся пристань собралась смотреть: братья, рыбаки, одичалые, даже команда браавосского купца. Я поднял в воздух всю накопленную сталь, проверил аурным зрением, нет ли ржавчины и лишних примесей, и дал металлу форму. Нос острый. Корма тоже острая, потому что как выглядит нормальная корма, я помнил смутно. Четыре палубы, длиной шагов в двести, борта пузатые, чтобы вместить побольше груза. По всему основанию я сделал утолщение, чтобы центр тяжести сидел пониже: принцип неваляшки. Отдал бы Длинный Коготь за интернет, честное слово, но чем богаты.

Медленно опустил громадину в воду и скрестил пальцы.

Корабль качнулся, выровнялся и замер. Вода дошла до нижней трети борта.

Сзади прокатился рёв сотен глоток. Для одичалых это был не просто корабль. Я обернулся и подмигнул Тириону.

— С тебя сто золотых, лорд Ланнистер.

— Сто золотых за подтверждение того, что магия существует, — сказал он, не отводя взгляда от корабля. — Я бы заплатил и больше. Не дождёшься, но я заплачу.

Минут десять я просидел на краю причала, потому что подняться не получалось. Из носа текло, руки не слушались. Потом пришло чувство, которое теперь я знал хорошо: голод. Тирион сунул мне бутыль с вином и краюху хлеба, потом ещё одну, потом третью. Пайк смотрел на это молча, а когда я дошёл до пятой, заметил:

— Ты так ел все три дня. Два гарнизона столько не едят.

— Дорого стоит, — признал я.

— Ещё бы.

К полудню на причал въехал Мормонт с десятком братьев. Выехал он на день позже нас, но без обозов добрался быстрее.

— Ворон Пайка пришёл три дня назад, — сказал он, спешиваясь. — Что вы строите корабль из железа. Я решил посмотреть, прежде чем вы его потопите.

— Плавает, лорд-командующий, — сказал Пайк с таким видом, будто проиграл спор самому себе.

Мормонт долго смотрел на корпус. Потом на меня.

— Это ничего не значит, пока он не вышел в море. В гавани плавает и бочка.

— Знаю.

— Как назовёшь? — спросил Пайк.

Я подумал.

— «Железный флот».

Пайк дёрнулся так, будто я наступил ему на ногу.

— Железный флот — это флот Грейджоев, парень. Я ушёл с островов не затем, чтобы слушать это имя на своём причале.

— Ладно, не «Железный флот».

— «Надежда Севера», — предложил Тирион. — Звучит куда лучше. Я вообще умный.

— Хорошее имя, — согласился я. Пайк мрачно кивнул: по крайней мере, никто из Грейджоев не будет претендовать.

— Теперь быстро доделаем внутренности и отплывём, — сказал я Мормонту. — Туда, где продают зерно.

— Не позже, чем через две недели, — ответил он. — Я кормлю твоих диких, Сноу, и кормить дольше не смогу.

— Понимаю.

— Ладно. — Он помолчал. — Чем тебя наградить? В Дозоре дал бы увольнительную в Кротовый городок, но ты не в Дозоре.

Я набрал воздуха. Вот он, момент.

— Одолжите на время плавания ваш меч, лорд-командующий.

Мормонт не ответил сразу. Рука его легла на рукоять Длинного Когтя, и, судя по лицу, несколько раз прикинул, не послать ли меня куда подальше.

— Валирийская сталь не игрушка, — сказал он.

— Я не собираюсь переплавлять. Я хочу почувствовать, из чего она сделана. Может, получится повторить.

— Мой сын не удостоился этого клинка, — сказал Мормонт после долгой паузы. — А больше я никому его не доверял.

Он расстегнул перевязь и протянул мне меч.

— Не повреди. А если я умру, пока ты будешь в плавании, передай моей родне на Медвежий остров.

— Понял.

Едва пальцы сомкнулись на рукояти, клинок отозвался. Не так, как любое другое железо. Те звали или тянулись, а этот словно прислушивался. Внутри угадывался узор: сотни слоёв, свёрнутых на себя, плотных, как годовые кольца, и ещё что-то, чему я не мог найти названия. Что-то древнее и холодное, и очень внимательное.

— Ну? — спросил Тирион. — Что он говорит?

— Пока молчит.

— Как и положено хорошему клинку. А я думал, ты скажешь, что он тебе подмигнул.

Глава 12.

Из Восточного Дозора мы вышли на рассвете, без особых церемоний. Мормонт уехал в Чёрный замок накануне вечером, но перед отъездом всучил мне свёрнутый пергамент с печатью Дозора. Внутри было сказано, что подателю сего, Джону Сноу, дозволяется вести переговоры о закупке провизии для Дозора, и больше ничего. Ни слова о землях, клятвах и договорах между сторонами. Последнюю строчку, по-моему, дописали специально для меня: «Лордов не дразнить». К письму прилагался список от Боуэна Марша: зерно, соль, солонина, репа, бобы, цифры без «примерно» и «около». Человек точно знает, чем кормить десять тысяч ртов.

— Ты строишь кита, а Дозору нужна провизия, — сказал Пайк, глядя на «Надежду Севера» так, будто это плохо привязанный чужой пёс. — Раз уж он идёт на юг, возьми на буксир эти три. Чем стоять у причала без дела.

Речь шла о «Чёрном дрозде», «Когте» и «Буревестнике».

— Команды?

— По пятнадцать человек на борт, больше не дам. «Северному ветру» руки нужны. Сам останусь здесь, дождусь Тормунда с Кворэном.

— Если вернутся, пусть подождут.

— Если вернутся, будут ждать. Если нет, пусть решает Мормонт.

На палубе тяжело вздохнуло. Два великана, свалив под грот-мачтой охапки соломы, укладывались спать среди бела дня. Магур Твердорукий расхаживал вокруг них с видом дворецкого. Один из подопечных уже начал похрапывать, и чайки на реях поднялись и ушли подальше.

— Палубу не проломят? — спросил я Пайка.

— Я им объяснил: треснет палуба, будут купаться. Поняли.

— Откуда опыт?

— Я железнорождённый, парень. С детства учили договариваться с теми, кто больше тебя.

Больше он ничего не сказал, но когда мы отходили, стоял на причале, пока корабль не ушёл за мыс. Я не раз видел, как люди провожают взглядом то, что им не принадлежит, но чему они по-своему рады.

Тирион стоял на корме, кутаясь в меха, и в который раз пересчитывал в уме свои сто золотых.

— Он плавает, — сказал он. — Это уже неприятно. А вот что он идёт без ветра и вёсел, это уже вопрос военный.

— Он для зерна.

— Всё хорошее делается для зерна, пока кто-нибудь не придумает второе применение. Стальной таран, которому ни ветер, ни течение не указ, прорвёт блокаду Белой Гавани за час, а Королевской Гавани за утро.

— Знаю.

— Ты знаешь, — повторил он. — Вот это больше всего и беспокоит.

Буксирные канаты для такой работы не годились. Первый лопнул, как струна, едва я начал набирать ход, и больше я не экспериментировал. Выдернул якорную цепь «Чёрного дрозда» (Пайк потом ещё долго будет мне её вспоминать) и перековал в трос. Звенья легли ровно, без единой раковины. Хватило бы выдержать даже тот рывок, который не пережили канаты.

Потом схватился «щупом» за точку на днище и потянул вперёд. Корабль сначала нехотя, затем всё охотнее заскользил по воде, оставляя за собой широкий белый след. Три галеры на цепи подтянулись следом и, судя по крикам на их палубах, команды не сразу поняли, что происходит.

Прикидываю. Ветер дул в корму, паруса поставили для вида, и держать скорость на самом деле предстояло мне. Мелкая работа почти ничего не стоила, а вот долгое усилие считалось иначе: часа через три в голове зашумело, во рту появился металлический привкус, а в животе образовалась пустота размером с бочку. Расход я уже научился отслеживать. Подозвал Торвинда, велел принести хлеба, сыра и вяленой рыбы. Ем, не отрываясь от работы.

Тирион засёк время по песочным часам и по береговым ориентирам, шевеля губами.

— Двадцать пять, может, тридцать миль в час, — выдал он через час. — Втрое быстрее галеры, и ни одного гребца. Если это не колдовство, то я просто не умею считать.

— Я тоже сам считаю по берегу.

— Хорошо. По крайней мере, хоть кто-то будет знать, что мы друг другу не врём.

Разведку я решил поставить сразу, пока был ход. Море оно и есть море: шторм, скалы, чужие паруса, а мне совсем не нужно, чтобы по дороге выяснилось, что где-то на горизонте нас поджидает пара пиратских кораблей. Торвинд привёл человека по имени Грим Соколиный Глаз: худого, измождённого, с почти белыми глазами.

— Варг, — коротко сказал Торвинд. — Птицы.

— Чайки подойдут?

— Если море рядом.

— Сколько можешь держать?

— Пока птица живёт. Но надолго не стоит, — Грим говорил тихо, как человек, которому давно пришлось привыкнуть к тому, что слушают его с опаской. — Часа три-четыре. Дальше начинаю путать пальцы с когтями.

Он сел на бухту каната у мачты и закрыл глаза. Чайка на рее, до этого мирно чистившая перья, застыла, потом встрепенулась и ушла в небо.

Я включил аурное зрение. У Грима она была двойной: два контура, один поверх другого, как будто рядом с человеком сидела тень, и тень эта дёргалась в такт взмахам крыльев. Любопытно. У Призрака ничего подобного я не видел, а ведь я сам иногда ходил в его шкуру. Значит, у меня это выглядит как-то иначе, или просто никто не смотрел.

— Что видишь? — спросил Тирион.

— Море, — отозвался Грим, не открывая глаз. — Чистое. Кораблей нет. На юге тучи, но шторма не будет.

Призрак лежал в стороне, положив голову на лапы, и я поймал на себе его взгляд. Потом он перевёл красные глаза на Грима. Тот вздрогнул, будто его кольнули иглой.

— Волк у тебя странный, — пробормотал он, открыв глаза. — Не лезу. Чужого зверя без спроса не трогают.

— Я и не просил.

— Знаю. — Он помолчал. — Просто хотел, чтобы ты знал.

Я кивнул, ничего не ответив. То, что я тоже варг, из всех в отряде знал только сам Призрак, и распространяться об этом я пока не собирался. Но на будущее взял на заметку: Грим слышит больше, чем хотелось бы.

К вечеру мы дошли до Скагоса.

Остров встретил серыми скалами и низкими облезлыми тучами, за которые цеплялись редкие сосны. Порт состоял из полутора десятков рыбацких лодок и одного торгового корабля, судя по виду, давно не покидавшего якорь. На берегу собрался народ в грубых шкурах и недоверчиво смотрел на стальную громадину.

— Что за посудина? — крикнул кто-то.

— Корабль, — ответил я.

— Видим, что корабль. Какой?

— Стальной.

После этого на берегу стало тихо.

На материке про скагосцев болтают всякое: что едят людей, что ездят на единорогах, что на кого-нибудь одного мужика, спустившегося с гор, у них выходит по десять мужиков. Я в такие рассказы не верил, но и проверять не хотелось. Тирион, правда, на сходне задержался и тихо, чтобы слышал только я, сказал:

— Если вдруг решат нас съесть, помни: я жёсткий и невкусный.

— Учту.

Магнар Скагоса, Торрен, принял нас в длинном доме, пропахшем рыбой и дымом. Лицо у него было такое же грубое, как скалы вокруг, а голос глухой и ровный, как будто он экономил слова.

— Бастард Старка, — сказал он. — Слышал.

— Джон Сноу.

— Зачем пришёл?

— Менять.

— Мы не торгуем с воронами.

— Не торгуем, — согласился я. — Меняемся. Железо на еду.

Он молчал, ожидая продолжения.

— На Скагосе нет железа, Магнар. Наконечники у вас кость и камень. Я принёс топоры, наконечники для копий, рыболовные крючки.

Я кивнул Торвинду, и тот поставил на пол сундук. Крючков в нём было несколько сотен, и все ровные, как под линейку. Магнар взял один двумя пальцами, повертел, ткнул в ладонь и нахмурился.

— Железо. Хорошее.

— Каждый такой крючок ловит рыбу втрое быстрее костяного. Не потому что лучше, а потому что не ломается.

— А тебе что нужно?

— Рыба, шерсть, шкуры. Всё, что переживёт зиму.

— Для кого?

— Для десяти тысяч человек за Стеной.

— Диких?

— Они теперь под рукой Дозора.

— Это ты так говоришь.

— Это Мормонт так говорит, — я протянул письмо, но вспомнил, что читать он, возможно, не умеет, и убрал. — Договор можно сделать на пять лет. Вступит в силу, когда подтвердит лорд-командующий, а пока будем меняться по мелочи.

Он думал долго.

— Печатей у Скагоса нет, — сказал он наконец. — Мы клянёмся иначе.

Вместо печати он взял нож, порезал себе ладонь, прижал её к грубому камню у очага и подвинул нож мне. Тирион за спиной очень тихо сказал «о боги». Я не был брезглив. Порезал и приложил рядом.

— Теперь будет по слову, — сказал Магнар. — Нарушишь, найдём.

— Принято.

Меняться начали на следующее утро. За двадцать топоров, сотню наконечников и мешок крючков скагосцы выгнали на причал несколько телег. Вяленая рыба, пучки шерсти, выделанные шкуры, а в самом конце, к нашему общему удивлению, три бочонка мёда. Не знал, что на острове, куда ветер приносит снег круглый год, водятся пчёлы. Магнар посмотрел на меня так, будто спрашивал, что ещё я собираюсь отпустить себе в долг.

Прикидываю. Вяленой рыбы набралось тонн пять. Хорошо. Но десять тысяч ртов съедят это за полдня, мёд и шерсть для них вообще лирика. Скагос не решает проблему, он её слегка откладывает. Решает её юг.

«Буревестник» разгрузили на причале и загрузили скагосским товаром под завязку. Утром он ушёл обратно к Восточному Дозору, и я успел заметить, как у его бортов кто-то из матросов трижды перекрестился.

В ту же ночь я не спал: рассматривал Длинный Коготь.

Меч лежал на столе в каюте, тёмный клинок ловил огонь свечи. Я прикрыл глаза и посмотрел на него аурным зрением. Слои я видел и в прошлый раз. На этот раз, не торопясь и не отвлекаясь на Мормонта и Пайка, увидел кое-что ещё. Между слоями, вдоль всего клинка, бежали тонкие светящиеся цепочки: не нити и не потоки, а скорее письмена. Знаки шли один за другим, по кругу, сворачиваясь и разворачиваясь, как волна, которая никогда не заканчивается.

— Тирион, — позвал я. — Иди сюда.

Он зашёл в каюту, зевая и держа кружку.

— Что?

— Видишь знаки на клинке?

— Я вижу меч. Прекрасный меч. Ничего больше.

— А я вижу надпись. Ты знаешь высокий валирийский?

— Читаю лучше, чем говорю. Скажем так: тетя считала, что мальчику с моими физическими данными нужно хоть что-то, кроме остроумия.

— Тогда слушай. Я буду описывать, как они выглядят.

Рисовал в воздухе пальцем. Тирион щурился, шевелил губами, потом достал пергамент, перо и записал.

— Харе, — прочитал он, — Йелмоти даре, Костобиор, Эмбар нумаза. Это не совсем надпись, Джон. Скорее перечень свойств. «Резать». «Править временами». «Быть могучим». «Гореть изнутри». — Он поднял глаза. — Всё это просто работа мастера: клинок, который режет, держится веками, ломать его бесполезно и несущий в себе жар. Но «Править временами»... с этим туго.

— А если расплавить и сделать два меча?

— Не знаю. Руны уйдут вместе с формой или останутся?

— Останутся. Они не вырезаны на поверхности, а вплетены в сам металл. Любая часть клинка несёт ту же структуру. Режь, как хочешь.

— Колдовство, значит, сидит внутри. А как его туда загоняют?

— Не знаю. Пробовал потянуть за структуру, она сопротивляется. Тянуть сильнее побоялся: сломаю.

Тирион отхлебнул из кружки.

— Старое валирийское кузнечное дело держится на драконьем огне и заклинаниях. Больше про это никто не знает: слишком давно всё потеряли. Лучше всего на свете высокий валирийский знает мейстер Эймон, но он слеп, а читать руны пальцами не станешь. Зато он на Стене. Перепиши знаки и отправь ему с вороном.

— А если нужно будет на месте?

— В Королевской Гавани когда-то жил мейстер Джейкоб, который отказался переводить моему отцу какую-то книгу. Сказал, что знания не для людей, которые хотят власти. Если он ещё жив, возможно, ты его уговоришь.

— Я не хочу власти.

— Лучшие слова, чтобы его убедить. Или чтобы им не поверить.

Я посмотрел на клинок ещё раз. «Гореть изнутри». Огонь. Значит, дракон. Может быть, ответ в его пламени.

К полудню третьего дня мы вошли в гавань Белой Гавани.

Издалека город выглядел внушительно: белые стены, башни, каменный мол, защищающий бухту от шторма, огромная статуя у входа. Тирион смотрел на неё с кривой улыбкой.

— Так и знал, что рано или поздно сюда вернусь. Только в прошлый раз по твоим словам предстояло ещё одно путешествие.

— Бежать отсюда в Эссос.

— Именно. Мы с тобой договорились, что этого не будет, но привычка проверять никуда не делась.

Корабль медленно подошёл к причалу. На берегу уже собралась толпа: рыбаки, торговцы, матросы, мальчишки на сваях. Я заметил, как один из стражников что-то быстро сказал другому и побежал вверх по улице.

Лорд Виман Мандерли принял нас в своём зале, где колонны были обвиты каменными морскими тварями, а на стенах качались волны из синего стекла.

Именно таким я его и помнил: огромный, грузный, с несколькими подбородками, переходящими в шею, с пальцами, похожими на колбасы, и неожиданно живыми, цепкими глазами. Сидел в кресле, больше похожем на трон, и казался тюленем, завёрнутым в парчу. Но голос у него был тихий и мягкий.

— Джон Сноу, — сказал он. — Говорят, ты построил корабль из стали и приручил одичалых.

— Корабль построил. Одичалые пока не приручены, лорд Мандерли.

— Ну и слава богам. Приручённые одичалые хуже всего. — Он кивнул на кресло. — Садись. Твоего товарища, надо полагать, тоже можно?

— Тирион Ланнистер, — представился тот и вежливо поклонился. — Путешествую, как видите.

— Ланнистер на борту стального корабля, идущего с Севера, — Мандерли добродушно кивнул. — Люблю необычные компании. Расскажи, с чем пришёл.

Я рассказал. Без подробностей про мёртвых, но с главным: десять тысяч человек у Стены, перемирие, Мормонт запретил обещать им землю, а кормить их нечем. Достал письмо с печатью Дозора и список Марша. Мандерли развернул, посмотрел и усмехнулся:

— Человек, который это писал, любит порядок.

— Лорд Марш. Он, насколько я знаю, и в завтрак вписывает по граммам.

— Хороший человек. Для Дозора неплохо, — Мандерли отложил список и сложил руки на животе. — Но кормить дикарей, не зная, чем они расплатятся, мне бы не хотелось.

— У нас есть железо. На Севере оно в дефиците, а я могу делать столько, сколько нужно. Топоры, пилы, плужные лемехи, гвозди. И древесина: я собираюсь поставить лесопилки.

— Пилы я видел у ваших людей на корабле, — сказал Мандерли. — Хорошая работа. Но железо в основном идёт на оружие, лорд Сноу. Вы уверены, что мне стоит набивать подвалы мечами, которые могут повернуться против меня?

— Не мечами, а плугами и топорами, лорд Мандерли. Если дикие подохнут от голода, они придут к вам за зерном в любом случае. Так дешевле.

Он помолчал, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение.

— Грубо, но честно. Хорошо. Зерно, мука, солонина, вяленая рыба, репа и лук на пять лет, как договорились. Печать Дозора будет стоять там, где скажет лорд-командующий. Деньгами пока брать не буду: для начала зерно в долг до первой отгрузки железа и древесины.

— Благодарю.

— Не благодарите. Я не добряк. Железо мне действительно нужно.

Тирион за моей спиной тихо хмыкнул.

— У меня к вам одна просьба, — продолжил Мандерли. — Мой младший сын Вендель. Ему двадцать, он весёлый, сильный, добрый, но проводит жизнь за столом и на пирах. Старший, Уиллис, будет управлять после меня. А Вендель... Я хочу, чтобы кто-то из моих людей своими глазами увидел Стену. Если вы говорите правду и дикие действительно бегут от чего-то страшнее, чем зима, я должен знать это до холодов, а не по рассказам.

— Вы мне не доверяете?

— Я никому не доверяю на слово, — спокойно ответил Мандерли. — Я старый, толстый и многое видел. Мне нужны глаза, которые принадлежат мне. Пусть пройдёт с вашими галерами до Стены, посмотрит, поживёт, а вернётся осенью.

Я посмотрел на Тириона. Тот пожал плечами с выражением человека, которому предложили угощение, а он только что пообещал поститься.

Ещё один рот. Но и ещё один свидетель, причём независимый, и Мандерли знал это не хуже меня.

— Хорошо, — сказал я. — Но исключений не будет. На Стене все работают.

— Именно этого я и хочу.

Он вытер пальцы салфеткой и добавил, чуть тише:

— И ещё. Ворон из Королевской Гавани пришёл неделю назад. Нед Старк — Десница. Король объявил турнир в его честь. А потом, говорят, затеял большую охоту.

Я не изменился в лице. Но Тирион искоса на меня взглянул.

Ночью я сидел на крыше склада напротив отделения Железного банка и считал.

Здание было небольшим, зато добротным: толстые стены, окованные двери, двое стражников у входа. Аурным зрением я различил под полом подвал, а в нём тусклое, глухое, не такое, как у железа, мерцание. Золото. Оно звучало иначе: не звало, а как будто лежало ленивой тяжестью, которую нужно сначала разбудить.

Радиус у моей способности был метров двадцать пять, подвал находился на пределе. Я стоял в переулке, Торвинд держал повозку, а я потянулся.

Золото слушалось хуже. Железом можно было управлять, как стальным канатом, а тут как будто вместо каната я тянул мокрую верёвку. Слиток отозвался только с третьей попытки, дёрнулся, медленно потёк вверх, и несколько минут я вытягивал его по тонкой струйке сквозь щели в кладке, пока не уткнулся в стену. Через час сундучок в повозке был полон. Через два четыре. Из носа капало. Я вытер подбородок рукавом.

— Ты ограбил Железный банк, — шёпотом сказал Тирион, когда я залез в повозку. Он сидел внутри всё это время, закутавшись в плащ, и грыз сухарь.

— Взял в долг.

— Они считают иначе. Железный банк всегда получает долги, Джон. Рано или поздно придут.

— К тому времени у нас будет что отдать.

— Будет ли?

— Должно быть.

Он помолчал.

— Знаешь, что в этом самое тревожное? — спросил он. — Ты говоришь «взял в долг» так спокойно, как будто речь о пирожке.

— Мне нужно кормить десять тысяч человек. Пирожки закончились.

— Резонно, — признал он. — Просто не удивляйся, когда за тобой придут люди в плащах без гербов.

Золото я отправил на следующее утро двумя галерами в Восточный Дозор: «Чёрный дрозд» и «Коготь». Погрузили зерно, муку, солонину, бочки с репой и луком, и вместе с ними на борт «Когтя» взошёл Вендель Мандерли. Весёлый, круглолицый, с аппетитом человека, который пока не знает, что на Стене кормят иначе. Перед отплытием он серьёзно спросил, правда ли, что у одичалых есть великаны, и, получив ответ, повеселел ещё больше.

— Отец будет в ярости, — сказал он. — А я, пожалуй, останусь надолго.

— Тебя вернут осенью, — сказал я. — Если не съедят.

— Кого, меня? Попробуют.

На причале я написал письмо Пайку: «Присмотри за парнем. Пусть работает. Ничего не обещай». И ещё одно, короче: «Мормонту: груз идёт. Вернусь, как смогу».

Вечером, когда корабль снова вышел из гавани, я стоял на корме и смотрел на огни Белой Гавани, убывающие в темноте.

Тирион подошёл тихо.

— Охота, — сказал он. — Он сказал «охота».

— Да.

— Это тот самый день?

— Не знаю. Он может случиться через неделю, может через месяц. Про точную дату я ничего не помню.

— Тогда зачем так спешить?

— Потому что опоздать хуже.

Он помолчал.

— Знаешь, — сказал он наконец, — возвращаться на юг, зная, как они собираются со мной поступить, это неплохое развлечение. По крайней мере, не скучно.

— Ты можешь остаться.

— Нет. — Он повернулся и посмотрел на воду. — Теперь мне самому интересно, получится ли у тебя.

Призрак поднялся и положил голову мне на плечо. Я почесал его за ухом и посмотрел на юг, туда, где в темноте плыла невидимая отсюда Королевская Гавань.

Три-четыре дня. Я держал ход ровным и считал мили.

Глава 13.

Грим подал знак на второй день после Белой Гавани, ближе к полудню. Он сидел на бухте каната, не открывая глаз, и дышал медленно и ровно: вторую смену подряд держал чайку, и по лицу было видно, что она ему даётся всё тяжелее.

— Корабли, — сказал он. — Три. Стояли в бухте под скалами, теперь вышли. Идут к нам. Не дозорные.

Поднимаюсь на корму. На горизонте действительно маячили три низких быстрых галеры, на мачтах болтались грязные тряпки, когда-то бывшие флагами.

— Лиссенийцы, — сказал Тирион, подойдя к борту и прищурившись. — По корпусам видно. Беглые рабовладельцы, пираты, отбросы Вольных городов. Раньше здешние воды патрулировал Дозор, но…

— Но Дозор сейчас занят другим, — закончил я.

— Именно. Охотятся на торговцев, идущих между Белой Гаванью и югом. На нас, надо полагать, тоже.

— На нас у них не получится, — сказал Торвинд, подходя. Он оглядывал пиратов с тем спокойным интересом, с каким одичалые обычно смотрят на всё, что не умеет прятаться в лесу.

— Получится, если мы покажем слабину. Но дело не только в нас.

Это понял Тирион раньше, чем я договорил.

— «Чёрный дрозд» и «Коготь», — тихо сказал он. — Они идут тем же берегом обратно, с зерном и мальчиком Мандерли на борту.

— Если эти три останутся здесь, рано или поздно кто-нибудь их встретит.

Прикидываю. Тридцать миль в час нам достаются с трудом, догнать нас им нечем. Значит, чтобы они вообще подошли, придётся сбавить ход. Ладно, сбавим. Сделал вид, что выбился из сил: убрал тягу, и «Надежда Севера» замедлилась до скорости обычного торговца. Паруса для вида подняты, штурвальный на месте, команда на палубе изображает занятость.

Лиссенийцы клюнули моментально. Подходили охотно, с гортанными криками, которых я не понимал.

— Они говорят, что мы богатая добыча, — перевёл Тирион, не отрывая взгляда от ближайшей галеры. — Что корабль слишком большой и неповоротливый. Что нас продадут в рабство, а корабль сожгут. Очень хвастливо. Если выживут, будут рассказывать в тавернах.

— Если выживут.

— Это я и имею в виду.

Корпус у нас крашеный, под дерево. Я об этом не думал, но сейчас стало ясно: для них мы выглядим как обычный купец, только большой. Первая галера подошла борт к борту, полетели абордажные крючья. Я потянулся к ним мыслью, и крючья, не успев вцепиться, вывернулись и упали обратно. Дальше всё было просто. Скобы на их бортах, цепи на мачтах, якоря, кольца, гвозди. Железа на каждой галере набралось с полтонны, и всё это подчинялось мне, как собственные пальцы.

Цепи лопнули. Мачта накренилась. Якорь сорвался с крепления, ушёл в воду и потащил за собой кусок борта. Вторая галера успела только развернуться, и я вырвал из её днища пару железных скоб размером с кулак. Вода хлынула внутрь. На третьей пираты уже бросились в воду, не дожидаясь, пока их кто-нибудь заставит. Единственная, которая пыталась уйти, получила в корму собственный якорь и пошла ко дну вслед за товарками.

Вся схватка заняла минут пять. Крики стихли быстро.

Торвинд смотрел с открытым ртом. Грим наконец открыл глаза и несколько секунд молча разглядывал воду.

— Это было… быстро, — выдавил он.

— Иногда лучше быстро, — сказал Тирион. Лицо у него побледнело, но глаза блестели. — Джон, я не хочу тебя хвалить, потому что ты, насколько я заметил, этого не любишь. Но если однажды ты решишь воевать по-настоящему, я бы предпочёл оказаться на твоей стороне.

— Мне всё равно на лесть, — сказал я. — Как-то отучился. Давай лучше о деле.

Из воды, по приказу Торвинда, вытащили шестерых. Остальные ушли вместе с кораблями. Рабов на галерах не нашлось: видимо, ещё никого не успели поймать. Среди спасённых был капитан, коренастый тип с обгоревшей щекой и золотым зубом, который при виде меня стал белее собственных парусов.

— Спроси, кто они и откуда, — сказал я Тириону.

Тот присел перед пленником, заговорил на высоком валирийском с лёгкой интонацией, и капитан, поначалу цедивший слова сквозь зубы, быстро затараторил. Минуты через три Тирион выпрямился.

— Дарио Менз, капитан «Серой Акулы». Говорит, ждали здесь три недели, потому что в Белой Гавани кто-то шепнул, что со дня на день из порта выйдет северный корабль с дозорным золотом.

— Золото на галерах, а не на этом.

— Я знаю. Но он клянётся, что слышал именно про большой корабль.

— От кого?

— От портового писаря. Тот взял пять драконов за слух и ничего больше не спрашивал.

— Писарь в Белой Гавани, — повторил я. — Значит, кто-то за нами следит. Или слух запустили специально.

— Железный банк, — предположил Тирион. — Но у них странные методы: обычно они присылают письмо. Другой вариант: кто-то из местных, кто видел, как мы грузили золото на галеры. Есть ещё третий, и он мне не нравится: лорд Варис знает всё, что движется по воде. Но пиратов он нанимает редко.

— Придётся предупредить Мандерли.

— У нас нет ворона.

— У нас есть Грим.

Грим поднял на меня усталые глаза.

— Чайка не письма носит, — сказал он.

— Она и не должна. Если пошлёшь её к Мандерли, а он увидит и ничего не поймёт, потом разберёмся. Но я бы хотел, чтобы в Белой Гавани знали: кто-то торгует слухами.

Он покачал головой:

— Не получится. Но отправлю письмо с первым попутным кораблём в Королевской Гавани.

— Договорились.

Пленников заперли в трюме. Дарио пообещали, что отпустят в первом же порту, если расскажет всё, что знает. На самом деле решение мне принимать не хотелось: я не знал, что с ним делать.

Железо с погибших галер я собирал ещё минут сорок. Подцепил якоря, цепи, обломки скоб, оружие. Руда с побережья стоила мне двух ночей, а тут около тонны готового металла досталось почти бесплатно. Работал уже с пятидесяти метров, раньше было двадцать пять. Радиус растёт. Хорошо. Думаю, нужна дальность хотя бы в полёт стрелы, чтобы ни одна тварь не достала меня издали. Интересно, когда местные додумаются охотиться на меня деревянным оружием. Пока меня спасает неизвестность, но надолго ли.

К вечеру подошла усталость. Тирион молча сунул мне хлеб и кружку, и я не спорил.

В Королевскую Гавань мы вошли на четвёртый день.

Издалека город казался огромным пятном дыма, серым, грязным и шумным. Холмы в крапинах домов, башни Красного замка на Эйегоновой высоте, широкий зев Черноводной. Запах донёсся раньше, чем показались причалы: рыба, дым, навоз, гниющая вода.

Тирион стоял рядом, молча разглядывая берег. Для человека, возвращающегося домой, лицо у него было слишком спокойным.

— Дом, милый дом, — сказал он наконец. — Сестра, брат, оба здесь. И, как ни странно, ни один из них меня не ждёт.

— Мне кажется, зря.

— Мне тоже. Но удивлять приятно, когда у тебя есть корабль из стали.

Я прикинул сроки. В прошлом Роберт добирался до Винтерфелла и обратно месяцев за полтора-два, а с момента нашего выхода из Чёрного замка прошло примерно столько же. Должно хватить, чтобы застать Неда, но не обязательно успеть до охоты. Информации у меня ровно столько же, сколько пять минут назад. Остаётся надеяться.

Пока шли по заливу, я успел подправить нос: на форштевне появилась оскаленная голова лютоволка, а под ней буквами в локоть высотой «Надежда Севера». Над причалами уже кружили чайки, рыбаки бросали сети и показывали пальцами. Через час об этом будет говорить вся гавань. Нам это не нужно, но спрятать пятьсот футов стали всё равно было нечем.

Грим сообщил, что на вторую смену он больше не заступает, а птиц, которых он заметил над городом, лучше не трогать. Слишком много и слишком близко, один неловкий «шаг» мог выдать его с головой. Решили, что хватит и обычного дозора.

— Торвинд, — позвал я. — Слушай внимательно. Великанов с корабля не выпускать, и людей тоже. Береги борт и трюм, особенно золото и пленных. Если кто-то спросит, откуда мы, скажешь: из Белой Гавани, везём железо Мандерли.

— Железо Мандерли, — повторил он без выражения.

— Пока так.

— А если полезут?

— Полезут, разобьёшь им головы. Но без лишнего шума.

Торвинд, как обычно, ничего не ответил, только кивнул. Он вообще был человеком, скупым на слова, и в этом смысле мало походил на отца.

Вина и еды команде Тирион заказал заранее: договорился с управляющим порта, сунув ему пару серебряных монет, и вскоре к «Надежде Севера» подошли две баржи с бочонками, мешками муки, копчёностями, рыбой и яблоками. Мне хватило бы одного взгляда на лица одичалых, чтобы понять: после недели солонины и сухарей это был лучший день за всё время плавания.

В город я взял с собой десять человек в стальных доспехах, как положено при посещении столицы. Тирион, закутанный в меха, шёл рядом и тихо напевал себе под нос.

— Что с лордом Бейлишем? — спросил он негромко, когда мы сошли с трапа.

— Пока ничего.

— Я так и думал. Ты правильно держишься в стороне: у этого человека слишком много маленьких птичек.

— Я знаю, что он такое. С ним потом.

— А сейчас?

— Нед.

Тирион кивнул.

— Нед, — повторил он. — Единственный человек в этом городе, который, возможно, тебя выслушает. Давай посмотрим, чем кормят в Красном замке и сколько там сейчас воздуха для честных людей.

Мы поднялись по набережной и свернули в первый переулок. Позади, над «Надеждой Севера», висело серое небо, а на берегу уже собирались зеваки.

Глава 14.

В город мы пошли пешком: я, Тирион с двумя слугами, тащившими его сундук, десяток стальных бойцов под началом Дормунда и Дрина.

Дормунд приходился Тормунду третьим сыном. Ему было лет двадцать, и он ходил по городу с лицом человека, который заранее решил ничему не удивляться и не справляется. Старший брат, Торрег, ушёл с отцом за Стену, а Торвинд остался на корабле.

С Дрином дело обстояло сложнее, потому что взялся он не так давно. Тормунд оставил младшего сына при Торвинде ещё у Сумеречной башни: лет девяти, чуть старше Брана Старка, в вылазку за Стену такого не берут. Дрин с этим не согласился, но спорить не стал, а просто пристроился к обозу. Когда я вытягивал железо из-под снега, он подбирал слитки, таскал их к повозкам и попутно задавал вопросы. Много. «А почему железо едет?», «А если я попробую?», «А тебе не больно?» На последний я ответил «пока нет», и не уверен, что это его успокоило.

Оруженосцем он стал почти случайно. Когда я спустил «Надежду Севера» на воду и не мог встать с причала, хлеб мне сунул Тирион, а следом пришёл Дрин с целой буханкой, неизвестно откуда утащенной. После этого он стал появляться с едой каждый раз, когда я заканчивал долгую работу, будто знал, чем всё кончится. Я перестал спрашивать, откуда он берёт хлеб. По дороге к Скагосу сказал, что раз уж он всё равно ходит за мной, пусть ходит официально. Дрин молчал секунд пять, потом спросил, положено ли оруженосцу оружие. Так у него появился кинжал, выкованный под детскую руку, а следом и кольчуга по размеру. Гордился он ими так, что на каждого портового мальчишку смотрел сверху вниз, хотя вырос от силы на голову.

Одичалые крутили головами во все стороны. Дома, одежда, повозки, лотки с горячими пирожками, запахи. Запахи вообще отдельная песня. Я заранее не ждал многого, но не понимал, как Гавань до сих пор не вымерла от чумы.

— Тормунд говорил, южане мягкие, — сказал Дормунд, зажимая нос. — Он не говорил, что они ещё и так пахнут.

— Привыкнешь, — сказал Тирион.

— Не хочу привыкать.

— Тогда дыши ртом. Я так и делаю уже тридцать лет.

Сто золотых по нашему спору Тирион отдал ещё в Белой Гавани, ворча, что проиграть магии не стыдно, а вот расставаться с деньгами неприятно. Остаток после закупок я отдал Торвинду с наказом одеть отряд полегче: мех да кожа слишком сильно выдают в нас северян. Теперь двести человек на корабле носили кольчуги. Железа на них уходило немного, а настоящих драк, где такая броня пригодилась бы, пока не случалось.

Пока мы шли, я думал о том, что делаю. Дорога была длинной, и мысли сами лезли в голову.

Последние недели выдались как беличье колесо: то марш, то великаны, то дуэли с вождями, то пилы, то корабль. А море другое, спокойное и мощное. Когда сидишь на вахте рядом с Гримом и смотришь на волны, времени подумать хватает. О будущем. Об эффекте бабочки. О гигиене.

Мне четырнадцать, я ещё расту, а аурное зрение исправно показывает, что у меня внутри происходит. Но два месяца не чистить зубы выше моих сил. Местные девчонки улыбаются, а у половины зубы чёрные. Бррр. Поэтому ещё на севере я настрогал веток, расщепил кончик и получил подобие щётки. У Тириона есть зубной порошок, но состава я не знаю, а лезть в чужие рецепты без анализа не рискнул. Вода и палка, не густо, но лучше, чем ничего.

Туалетной бумаги здесь нет. Тряпки, снег, лопухи. Лопухи, на мой взгляд, самое гигиеничное. Видел, как дозорный подтёрся рукой, вытер её о снег и пошёл дальше. А над одичалыми смеются. Высокая культура, етить вашу мать.

С лордами получше, но воспоминание о жирных вшах в волосах у некоторых братьев Дозора до сих пор вызывает дрожь. Поэтому за чистотой слежу сам: лицо мою часто, тело при первой возможности тёплой водой, а воду из колодцев обязательно кипячу или разбавляю вином. Тирион, кстати, смеётся и пьёт чистое вино. Выпивши здесь ходят почти все с утра. Где-то читал, что Европа начала думать трезвой головой только после кофе. Спорно, но красиво. Сейчас бы капучино и круассан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.